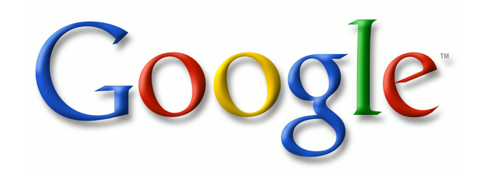

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Бенедиктъ

На жизненномъ базарѣ

Юмористическія стихотворенія

Тип. А. С. Суворина.

Бенедиктъ

На жизненномъ базарѣ

Юмористическія стихотворенія

С.-Петербургъ
1903

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЕДАГОГЪ.

Жилъ нѣкій педагогъ.
Не такъ былъ золъ онъ, какъ бульдогъ,
Но полагалъ,
Что для развитья мозга
Небезполезна розга,
И посѣкалъ...
И что-жъ! Кого онъ сѣкъ,—
Сталъ человѣкъ,
Кому-жъ давалъ онъ спуску,—
Попалъ въ кутузку.

Сей басней вразумись, строптивое дитя,
И руку лобызай, карающую тя.

ПОДЪ ВЫВѢСКОЙ «ТАРАНТУЛА».

(Посвящается поэтамъ, подвизающимся подъ фирмою «Скорпіонъ»).

Разъ подъ вывѣской славной «Тарантула»
Сверхъ-поэты сошлись... Всѣ вертлявы,
Всѣ терзаемы муками Тантала
Въ предвкушеніи ждущей ихъ славы
(Кудри многихъ сребрились, какъ въ инеѣ),
Надрывались они вперегонки,
Чтобы всѣ мозговыя ихъ линіи
Были такъ же изысканно тонки,
Какъ рѣдчайшія блюда дессертныя
Передъ коркою черстваго хлѣба:
Думать такъ, какъ и прочіе смертные,
Не пристало избранникамъ Неба.
Вотъ ихъ возгласы слышны: «На знамени
Начертаю я: «Все наизнанку!»
— «Только копоть мнѣ нравится въ пламени».
— «Всѣмъ грибамъ предпочту я поганку!»
— «Безъ болячекъ—что можетъ быть хуже лицъ?»
— «Лишь невиданный милъ мнѣ развратецъ...»
— «Обожаю я пламенно жужелицъ...»
— «Я же страстно люблю каракатицъ».
— «Я на черепа мрачныя впадины
Любовался по цѣлымъ часамъ бы...»

— «Я въ честь склизкой какой нибудь гадины
Сочинялъ бы всю жизнь дифирамбы...»
Кулакомъ тутъ ударивши по столу,
Такъ промолвилъ одинъ изъ поэтовъ:
— «Да! поэзіи новой апостолу
Слушать нечего прежнихъ завѣтовъ.
Все въ поэзіи есть новоявленной:
И волшебныя грезы молюсковъ,
И величіе жабы раздавленной,
И пластичность куриныхъ огузковъ...»
Такъ подъ вывѣской славной «Тарантула»
Надрывались они—всѣ вертлявы,
Всѣ терзаемы муками Тантала,
Въ предвкушеніи ждущей ихъ славы.

НА СМЕРТЬ КАПЛИ.

Ахъ! отчего зари сіянье
Она пережила? Смерть капли
при лучахъ
Могла бы вызвать состраданье.

ФОФАНОВЪ.

Свѣтлѣй, чѣмъ брилліантовая брошка,
Сіяла и блистала капля-крошка,
И мокрой капля та не будь,—
Красавица ее пришпилила-бъ на грудь.
Но въ мірѣ семъ—увы!—удѣлъ хапуги — хапнуть,
А капли — капнуть.
Какъ будто надъ собой проливъ слезу,
Вдругъ капля очутилася внизу...
Ахъ! отчего не такъ былъ длиненъ вѣкъ той капли,
Какъ ноги цапли?

ТАКЪ ГОВОРИЛЪ ЗАРАТУСТРА.

(Вольное переложеніе съ философскаго языка на обывательскій).

I.

Правду и ложь, безъ различья,
Все почитаю за дичь я.
Равная честь «по ту сторону»
Бѣлой голубкѣ и ворону.
Чѣмъ разбираться въ задачѣ,
Лучше ли такъ, иль иначе,
Чѣмъ устремляться лишь къ истинамъ
(Въ истинѣ много ль корысти намъ?),—
Дѣйствуйте смѣло и шустро...
Такъ говорилъ Заратустра.

II.

Слѣдуйте въ жизни девизу:
«Лучше быть сверху, чѣмъ снизу».
Сверху—все люди отборные,
Снизу—холопишки черные.

Братьи чураяся меньшей,
Встаньте въ ряды «Uebermensch'ей»
И возноситесь средь множества
Всякаго рода ничтожества,
Какъ межъ огарками люстра...
Такъ говорилъ Заратустра.

ДВА ГОСПОДИНА.

Басня.

Какой-то журналистъ
Писалъ заразъ для двухъ вѣдомостей
Различныхъ двухъ мастей:
Въ однѣхъ народникъ онъ, въ другихъ онъ былъ марксистъ,—
Здѣсь пѣлъ про капиталъ во всемъ его величьи.
Тамъ слезы лилъ о бѣдномъ мужичкѣ;
Но, уличенъ въ такомъ двуличьи
И получивъ отказъ
Отъ двухъ господъ заразъ,
Повѣсился онъ съ горя на крючкѣ.

На грустномъ семъ примѣрѣ
Я вамъ благой совѣтъ подамъ:
Нельзя служить двумъ господамъ...
А надо—тремъ, по крайней мѣрѣ.

БАНКОВСКІЕ ОТГОЛОСКИ.

Этотъ міръ такъ сердцу дорогъ —
Треволненій міръ живыхъ,
Міръ гроссбуховъ и конторокъ,
Бюллетеней биржевыхъ,
Итальянскихъ бухгалтерій,
Акцій, фондовъ, траттъ... растратъ,—
Словомъ, все такихъ матерій,
Коимъ кто нибудь да радъ.
Тамъ вся жизнь въ метаморфозахъ;
Тамъ, съ улыбкой на губахъ,
Засыпаешь ты на розахъ,
А проснешься... на бобахъ.
А волшебные гроссбухи!
Превращеній много тутъ:
Изъ слоновъ выходятъ мухи,
А изъ мухъ... окружный судъ.
Цифры пляшутъ, скачутъ пестро,
Вправо, влѣво, взадъ, впередъ...
Гдѣ тутъ loro, гдѣ тутъ nostro,—
Право, чортъ не разберетъ.
Но подъ банковскою кущей
Все же сладко отдохнуть:

Вмѣсто рѣчки—счетъ текущій
Утекаетъ чей нибудь;
И потокъ течетъ все шире,
Въ чей карманъ—то знаетъ Богъ...
Тамъ когда нибудь въ Сибири
Подведутъ всему итогъ.

РОКОВОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

(Едва ли не изъ Бальмонта).

Я явился къ дѣвѣ—грустный, нерѣшительный,
Полный нерѣшимости,—точно Гамлетъ Датскій...
Я мечталъ, какъ Гамлетъ, дѣвѣ обольстительной,
Дѣвѣ восхитительной,— поцѣлуй дать братскій.
Я вошелъ—вдругъ слышу возгласъ непочтительный,
Возгласъ оскорбительный,—въ гнѣвъ пришелъ я адскій—
Въ адскій гнѣвъ пришелъ я: статскій я дѣйствительный,
А она мнѣ попросту: «Здравствуй, душка статскій!..»

LEX HEINZE [1].

Загробное стихотвореніе Гейне.

Давно ужъ я умеръ... но скучно въ гробу
Лежать безъ вѣстей, безъ занятій,—
И мнѣ захотѣлось узнать про судьбу
Любезныхъ нѣмецкихъ собратій.
Я всталъ, и побрелъ я тихонько туда,
Куда повлекло меня чувство,—
Въ тотъ городъ, гдѣ пиво течетъ, какъ вода,
И гдѣ процвѣтаетъ искусство.
И вотъ я ужъ тамъ, въ городскихъ я стѣнахъ,—
И съ первыхъ шаговъ озадаченъ...
Я вижу, мой городъ привѣтливый—ахъ!—
Сталъ тихъ, неуютенъ и мраченъ.
Собаки—и тѣ машутъ скромно хвостомъ,
А люди всѣ хмурятъ свой лобъ тамъ;
Все тихо—лишь фиговымъ бойко листомъ
Торгуютъ и дробно и оптомъ.

[1] Въ Германіи принятъ былъ рейхстагомъ «законъ Гейнце», предоставляющій администраціи широкое право преслѣдованія произведеній искусства въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ признаны ею грозящими интересамъ нравственности. Законъ этотъ возбудилъ противъ себя протестъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей и художниковъ.

Ахъ, видъ этихъ листьевъ—мученье для глазъ!
И, весь содрогаясь, какъ въ пыткѣ,—
«Зачѣмъ это зелье», спросилъ я, «у васъ
Въ такомъ непомѣрномъ избыткѣ?»
И я съ изумленьемъ отвѣту внималъ:
«Идетъ этотъ листъ у насъ шибко.
Къ несчастью для нѣмцевъ, онъ нѣсколько малъ—
И въ этомъ природы ошибка!
Чтобъ нѣмецъ душой сталъ невиненъ и чистъ,
Со строгой моралью жилъ въ мирѣ,—
Для этого нужно, чтобъ фиговый листъ
Былъ шире... во много разъ шире.
Прикрыли мы все, что, хотя бы шутя,
Дать поводъ могло для соблазна...
Теперь все здѣсь архиморально, хотя,
Быть можетъ, слегка безобразно.
Все, все мы прикрыли... Въ одномъ лишь бѣда:
Скульптура грозитъ намъ скандаломъ!
Изгнать ее можно-бъ, да только тогда
Причтутъ насъ, пожалуй, къ вандаламъ.
И вотъ мы рѣшили,—да вѣдаетъ свѣтъ,
Что все мы творимъ по закону,—
Венерѣ сшить юбку и скромный корсетъ
И брюки надѣть Аполлону;
Для нимфъ, для наядъ и для прочихъ фигуръ
(Ужъ вотъ будутъ рады дѣвчонки!)
Капоты дадимъ мы, а рѣзвый Амуръ—
Тотъ будетъ завернутъ въ пеленки».

МУДРЕЦЪ.

(Посвящается А. М. Жемчужникову).

Для значенія иного
Я исхитилъ бы изъ тьмы
Имя славное Пруткова,
Имя громкое Козьмы.
К. ПРУТКОВЪ.

Лиру я въ руки возьму,
Сердцемъ не стану лукавить,—
Буду Пруткова Козьму
Трижды премудраго славить.
Части пробирной знатокъ,
Мужъ сей на жизненномъ рынкѣ
Смѣло изъ сора извлекъ
Истинъ златыя крупинки.
Свѣтомъ звѣзды осіянъ [1],
Зналъ онъ, что бѣло, что черно;
Сѣялъ въ сердца россіянъ
Онъ плодотворныя зерна—
И распускались въ груди
Зерна тѣ въ пышные злаки...
Слѣдуя правилу бди,
Бдѣли мы паки и паки.

[1] См. свѣдѣнія о прохожденіи службы Козьмы Пруткова.

Если хватаетъ нужда
Насъ въ свои цѣпкія клещи,
Мы начинаемъ тогда
Въ корень смотрѣть всякой вещи.
Вверхъ научившись взирать,
Видимъ на солнцѣ мы пятна,
И не мечтаемъ объять
То, что—увы!—необъятно.
Дѣвичьи знаемъ насквозь
Хитрости мы и замашки:
Всѣ-то дѣвицы, небось,
Въ дамки стремятся, какъ шашки.
Онъ и въ предвидѣньи правъ—
Равенъ Кассандрѣ иль Брюссу:
Да, спеціальность избравъ,
Мы уподобимся флюсу;
Да, шагомъ смерти вослѣдъ
Первый нашъ шагъ былъ отъ люльки;
Да, кто изъ насъ былъ пригрѣтъ,
Таялъ, подобно сосулькѣ.
Мудрый Козьма! Ты—глазамъ
Яркій свѣтильникъ средь мрака...
Юнкеру Шмиту бальзамъ
Пролилъ ты въ сердце... Однако,
Славить тебя коль начну,
То никогда не устану:
Лучше фонтанъ я заткну—
Дамъ отдохнуть и фонтану.

ФАНТАЗІЯ.

(На мотивы новѣйшей беллетристики).

Я видѣлъ странный сонъ...
Босыхъ людей ко мнѣ тянулась вереница
Со всѣхъ сторонъ.
Злораднымъ торжествомъ свѣтилися ихъ лица,
И каждый гордо такъ шелъ въ рубищѣ своемъ,
Какъ будто на плечахъ классическую тогу
Имѣлъ. Я слышалъ крикъ: «Дорогу намъ! дорогу!
Мы слово новое несемъ!
Мы соль земли... или, пожалуй, перецъ».
Въ смущеніи я имъ сказалъ: «Друзья!
Охотно преклонюсь предъ вами я,—
Но я средь васъ какъ будто иновѣрецъ,
Не знаю думъ и чувствъ, что въ васъ кипятъ...
Хотѣлъ бы хоть отъ васъ узнать я
Все, чѣмъ отлична ваша братья
Отъ нашей съ головы до пятъ.
Начнемъ хоть съ головы... или ея начинки.
Выкладывайте все, что ни найдется тамъ».
И стали предо мной выкладывать всѣ хламъ
Подержанный, не стоющій починки,
Тотъ романтичный хламъ, который, вѣкъ отживъ,
У насъ давно попалъ въ архивъ.

Порядку слѣдуя, я ихъ спросилъ про руки.
Быть можетъ, въ нихъ вся суть? Къ чему у нихъ есть
— «Для нихъ нѣтъ хуже муки, [зудъ?
Какъ трудъ,
И горшей мы не знаемъ доли,
Какъ наживать рабочія мозоли».
— «Такими и у насъ пруди хоть прудъ!»
Желудку очередь пришла. Тутъ хоромъ злобнымъ:
— «Свободы нашей врагъ,—кричатъ,—лишь онъ одинъ,
Затѣмъ, что тянется онъ вѣчно за съѣдобнымъ...»
— «О! этотъ безпокойный господинъ
Вездѣ большого требуетъ ухода.
Не будь его,—и мы кричали бы: свобода!»
На ноги ихъ взглянулъ—и на нѣмой вопросъ
Услышалъ я: «Слѣпецъ! иль ты не замѣчаешь,
Что никого межъ нами не встрѣчаешь,
Кто бъ не былъ босъ?
Знай,—міръ принадлежитъ лишь намъ немногимъ,
Намъ,—по призванью босоногимъ.
Есть свой Гомеръ у насъ,—и перейдетъ въ вѣка
Въ сіяньи славы имя босяка!
Ты лучше сдѣлалъ бы, когда бъ и самъ разулся
И признавалъ бы впредь лишь культъ босой ноги...»
Тутъ я проснулся...
Какъ былъ доволенъ я, увидѣвъ сапоги!

ИДОЛЪ.

БАСНЯ.

(Посвящается марксистамъ, отрекшимся отъ марксизма).

Такъ повелось уже отъ сотворенья міра,
Что каждый въ юные года
Торопится создать себѣ кумира.
Такъ что-жъ мудренаго, когда
И въ наши дни предметъ для преклоненья
Стремился нѣкій юноша найти?
Быть можетъ, долго онъ блуждалъ бы безъ пути,
Но мудрый жрецъ одинъ рѣшилъ его сомнѣнья:
«Коль къ свѣту хочешь выйти ты изъ тьмы,
Ступай и кланяйся тому, чему и мы».
Въ храмъ юноша пришелъ—и посрединѣ храма
Увидѣлъ идола онъ въ волнахъ ѳиміама.
Вѣнками былъ увѣшанъ онъ кругомъ,
И правовѣрные, ликуя,
Толпились, ноги идола цѣлуя,
И объ полъ стукаяся лбомъ.
Вокругъ него съ особенной любовью
Всѣ предавались славословью.
И строго молвилъ главный жрецъ:
«Склонись и ты предъ нимъ, юнецъ!

Взгляни, какъ строенъ онъ! какая позолота!
Вѣрь, это лучшая нѣмецкая работа:
Она переживетъ вѣка!
Коль съ нами пѣть предъ нимъ ты будешь голосисто,—
Получишь званье славное марксиста,
А если хоть листокъ сорвешь съ его вѣнка,
Тогда получишь ты... пинка!»
Но вотъ къ жрецу слуга приблизился съ поклономъ
И что-то на ухо шепнулъ...
И тотчасъ жрецъ ногой кумиръ свой ткнулъ.
Тотъ на полъ грохнулся со звономъ,
А жрецъ сказалъ: «полученъ свѣжій грузъ
Новѣйшихъ идоловъ заморскаго издѣлья.
Сейчасъ ихъ привезутъ сюда на новоселье.
А этотъ прочь... чтобъ намъ не вышелъ съ нимъ конфузъ».

Я идола жалѣть не стану лицемѣрно.
Одно мнѣ жаль, что, какъ и въ старину,
Донынѣ въ Гамбургѣ намъ дѣлаютъ луну,
И дѣлаютъ прескверно.

ЗАВѢЩАНІЕ МАРКСИСТА.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть...

ЛЕРМОНТОВЪ.

Наединѣ со мною, братъ,
Побудь хоть пять минутъ!
Марксистамъ русскимъ, говорятъ,
Ужъ близится капутъ.
Когда поѣдешь ты въ Берлинъ...
Но тамъ судьбою ихъ доктринъ,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ...
А если спроситъ кто—смотри,
Чтобъ всѣмъ ты отвѣчалъ,
Что я страницы двѣ иль три
Изъ Маркса прочиталъ;
Но твердъ мужикъ нашъ, какъ кремень,
И не спѣшитъ изъ деревень
Онъ, по стопамъ Европы,
Въ фабричные холопы.
Къ столпамъ марксизма ты едва ль
Найти сумѣешь ходъ,
А то пришлось бы, какъ ни жаль,
Сказать имъ, что народъ

Былъ неспособенъ насъ постичь
И что, хоть кликали мы кличъ
    На каждомъ перекресткѣ,—
    Къ намъ шли одни подростки.
Когда же въ глушь судьбины длань
    Тебя заброситъ, другъ,
Куда нибудь въ Тмутаракань,
    И попадешь ты въ кругъ
Юнцовъ наивныхъ и юницъ,—
Все, что изъ Марксовыхъ страницъ
Ты затвердилъ, какъ попугай,
Предъ ними выложи... Пускай
    Ихъ это подурачитъ—
    Имъ ничего не значитъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Каждый добрый гражданинъ
Чтитъ въ душѣ законность...
Но извѣстенъ намъ одинъ,
Что имѣетъ склонность
Лишь къ дѣяньямъ и вещамъ
Противозаконнымъ.
Онъ вѣщаетъ храбро намъ
Языкомъ суконнымъ,
Что законность — это бредъ,
Измышленье «красныхъ»,
Что она источникъ бѣдъ
И хлопотъ напрасныхъ;
Что цѣна, огуломъ, грошъ
Всѣмъ статьямъ законовъ,—
Что лишь въ древности хорошъ
Кодексъ былъ Драконовъ.
Гражданинъ мой! ты смѣшонъ,—
Хоть исполненъ чванства.
Ты бы долженъ быть лишенъ
Всякихъ правъ гражданства.
Преломляешь ты копье,
Изрыгаешь пламя,—

Но зачѣмъ ты взялъ тряпье
Грязное за знамя?
Отчего ты такъ погрязъ
Весь въ дурныхъ привычкахъ?
Гражданинъ ты вправду-ль?
—Я-съ?
«Гражданинъ» въ ковычкахъ.

ПРАВА «ЧЕЛОВѢКА».

«Въ Берлинѣ засѣдаетъ конгрессъ кельнеровъ и лакеевъ. На этомъ конгрессѣ постановлена резолюція — не брать отъ посѣтителей ресторановъ унизительныхъ денегъ «на чай» и «на водку».

ИЗЪ ТЕЛЕГРАММЪ.

Въ петербургской ресторацiи
Я сидѣлъ однажды, сумрачный,
И подъ музыку органную
Поѣдалъ я тамъ мозаику
Изъ объѣдковъ разныхъ кушаній
Подъ названіемъ «бефъ-строгановъ».
Равнодушно взоръ уставивши
На столбцы газеты пестрые,
Я читалъ извѣстья важныя:
Что такой-то плохо выспался,
А другой куда-то выѣхалъ,
Третій—тотъ скандальчикъ выкинулъ,
Не простой, а историческій,—
А четвертый просто-на-просто
Обобралъ кого-то дочиста.
Вдругъ, прочтя одно извѣстіе,
Я вскочилъ, какъ бы пронизанный

Токомъ сильнымъ электрическимъ;
И воззвалъ я гласомъ велiимъ:
«Человѣкъ!»—«Чего изволите?»
— «Человѣкъ! Ты разумѣешь ли,
Ты способенъ ли восчувствовать,
Что отнынѣ человѣческимъ
Всѣмъ правамъ ты прiобщаешься?
Такъ въ Берлинѣ засѣдавшiе
Порѣшили нынѣ кельнеры.
И изъ правъ тѣхъ—право первое:
Отъ подачки унизительной,
Что «тринкгельдомъ» именуется,
Съ этихъ поръ ты избавляешься.
А отсюда ужъ является
И второе право важное:
Не въ трактирномъ ты лишь зданiи
«Человѣкомъ» будешь значиться,
Будешь ты—гордись и радуйся!—
Человѣкомъ въ человѣчествѣ!
Такъ въ Берлинѣ засѣдавшiе
Порѣшили нынѣ кельнеры...»
Слыша это, умилялися
Всѣ лакеи ресторанные,
Взликовали всѣ буфетчики,
И швейцары, бросивъ вѣшалки,
Въ двери головы просунули,
Галунами окаймленныя,
И кивали съ одобренiемъ.
Кончилъ я... Лакеи фрачные
И швейцары всѣ ливрейные
Преисполнились достоинства,
Но наплыва чувства вынести
Не могли они въ молчанiи,

Все, что въ сердцѣ шевелилося,
Все наружу прорывалося —
И внезапно огласилися
Стѣны зданья ресторраннаго
Дружнымъ возгласомъ восторженнымъ:
«На чаекъ бы съ вашей милости!»

«ОТЦЫ И ДѢТИ»[1].

Часъ насталъ «Отцамъ и дѣтямъ»
Выступать на сценѣ снова.
Какъ же примемъ, какъ мы встрѣтимъ
Эти призраки былого?
Тѣхъ «отцовъ» ужъ нѣтъ на свѣтѣ,
«Дѣти» стали нынче сѣды:
Не отцы они, не дѣти,
А ужъ прадѣды и дѣды.
И, подобно сказкѣ старой,
Воскрешается предъ нами
Споръ отчаянный и ярый
Межъ отцами и сынами.
Этотъ споръ ужъ не повторятъ
Тѣ, что имъ пришли на смѣну:
Есть отцы—они не спорятъ...
Дѣти—что имъ лѣзть на стѣну?
Въ жизнь ли взглядъ свой кинешь, въ книги-ль,—
Словно все покрыто пылью...

[1] По поводу постановки заимствованной изъ этого романа пьесы на сценѣ Литературно-Художественнаго театра.

Прежній дерзкій лозунгъ «nihil»
Замѣнился просто «гилью».
Скучно въ этомъ царствѣ сплина,
Въ царствѣ бреда и кошмаровъ...
Руку! руку, старичина!
Здравствуй, дѣдушка Базаровъ!

«ПЕРЕДВИЖНОЕ ХУДОЖЕСТВО».

Страничка изъ исторіи искусства.

Читатель-другъ! снимай картузъ:
Мы вступимъ въ храмъ прекрасныхъ музъ.
Тамъ отъ подводныхъ скалъ и мелей
Спасали русскихъ Рафаэлей,
Уча ихъ: «вся искусства суть—
Избрать давно избитый путь».
Тамъ былъ для всѣхъ одинъ приличный
Мундиръ торжественно-безличный;
Инымъ мундиръ подобный—кладъ,
Инымъ же былъ онъ тѣсноватъ:
Въ нихъ были ширь, порывъ, отвага,
Они ушли – и было благо!
Ихъ смѣлой кучкѣ повезло,
Имъ стали льстить—и вышло зло.
Они, что снять мундиръ спѣшили,
Себѣ немедля новый сшили;
Кто съ ними заключалъ союзъ,
Въ искусствѣ былъ король и тузъ,
А тѣмъ, кто не былъ съ ними вмѣстѣ,
Не полагалось этой чести.
Друзья! въ искусствѣ нѣтъ ливрей:
Въ немъ нѣсть ни эллинъ, ни еврей.

ВЪ ОДИНЪ ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ...[1]

(Фантазія).

Въ одинъ прекрасный день свершилося все такъ,
Какъ этого желалъ забавный тотъ чудакъ,
Который день за днемъ твердилъ и годъ за годомъ,
Что все должно впередъ идти... лишь заднимъ ходомъ.
Хоть и «сіятельный»,—онъ мракъ любилъ, какъ кротъ.
Печать—она вредна: она источникъ свѣта.
И вдругъ—о, радость! о, переворотъ!
Все такъ, какъ онъ мечталъ! Урѣзана газета!
Въ тотъ день прекрасный все поверглось въ прессѣ ницъ:
Нѣтъ больше критики придирчивой законовъ,
Нѣтъ ни исполненныхъ огня передовицъ,
Ни бойкихъ и игривыхъ фельетоновъ.
Зато описывать увѣчья, раны, смерть
Газетчика теперь излюбленное дѣло,
И, вдохновленъ величьемъ темы, смѣло
Беретъ ужъ не перо онъ въ руки,—жердь.
Сотрудники газетъ проторили всѣ тропы.
Чтобы «покойниковъ» собрать со всей Европы.
Они въ себѣ развили чудный даръ

[1] См. «Гражданинъ», 28 іюня 1901 г., гдѣ предлагалось совершенно упразднить большую часть нынѣшнихъ газетныхъ отдѣловъ.

На множествѣ столбцовъ описывать пожаръ
И стиль ихъ какъ огонь сталъ и горячъ, и ярокъ;
Намъ сообщали,—кѣмъ полученъ чинъ, кѣмъ крестъ;
Мы знали изъ газетъ еще про всѣхъ кухарокъ,
Оставшихся безъ мѣстъ.
Благословенный день! Всѣ поняли, что пресса
Отнынѣ лишь полна живого интереса:
Возликовали люди и скоты...
Стряхнувъ съ себя писаній прежнихъ чары,
Теперь всѣ мыслями лишь были заняты,
Во-первыхъ, про кухарокъ, про пожары,
А, во-вторыхъ, про мертвыя тѣла
И про тому подобныя дѣла,
И въ-третьихъ, и въ-четвертыхъ, въ-пятыхъ
Всѣ думали про то же,—да!
А о вопросахъ всяческихъ «проклятыхъ»
Никто не думалъ больше никогда.

ДРАМАТУРГЪ-ОБРУСИТЕЛЬ.

Вотъ онъ, рыцарь обрусенья!
Вездѣсущъ, какъ нѣкій магъ,
Водружаетъ онъ нашъ флагъ
Всюду безъ стѣсненья.
Расточаетъ всѣмъ онъ щедро
Окончанія на «овъ».
Будетъ попросту «Петровъ»
У него донъ-Педро.
Русскій духъ вселить хлопочетъ
Въ чужеземныхъ дамъ и дѣвъ;
Ни одной, не осмотрѣвъ,
Пропустить не хочетъ.
Словно свыше озаренный,
Возвратится со смотринъ,—
И, глядишь, «мадамъ Катринъ»
Станетъ вдругъ «Матреной».
Производитъ онъ гофратовъ
Въ надлежащій русскій чинъ,
Коммерсантовъ всѣхъ—въ купчинъ,
Кенигсбергъ—въ Саратовъ.
Окрестить готовъ «настойкой»
Онъ лафитъ или икемъ...

Не спасуетъ ни предъ кѣмъ
    Обруситель бойкій,—
И зато влекомъ одрами
По пути безсмертья онъ,
Чтобъ и самый Пантеонъ—
    Приспособить къ драмѣ.

МИСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(Изъ Боборыкина).

«Судьба послала юнкера въ узѣйшихъ рейтузахъ, чтобы поставить ребромъ дилемму его сыновней совѣсти».
«Все прилично».
ПОВѢСТЬ П. БОБОРЫКИНА.

Хочу я... Но лучше въ душѣ ты о многомъ,
Безумецъ, мечты затаи:
Ну, могъ ли-бъ, скажи, боборыкинскимъ слогомъ
Ты чувства повѣдать свои?

Вотъ развѣ попробовать съ вѣрностью рабской
Скопировать сей образецъ?
(Такъ краской Печерскою край Бессарабскій
Описывалъ нѣкій хитрецъ) [1].

Боюсь одного,—не провраться бы сдуру...
Смѣлѣй! Первымъ дѣломъ хочу...
Хочу «изъ себя представлять я фигуру,
Одѣтую всю въ чесучу».

[1] Въ одной газетѣ была помѣщена статья о Бессарабіи, оказавшаяся буквальною перепечаткою чьего-то изслѣдованія о Печерскомъ краѣ.

Я быть европейскимъ хочу господиномъ,
«При желтыхъ ходить башмакахъ»;
Хочу «на ногахъ оказаться блондиномъ»
(Не знаю ужъ чѣмъ — на рукахъ).

О, если бы въ корпусѣ былъ я не жидокъ!
О, если-бъ нашелъ уголокъ,
Гдѣ тайно «заняться примѣркой накидокъ
Всѣхъ новыхъ ученій» я могъ.

Пусть гдѣ нибудь въ рощѣ тѣнистой и частой
Меня бы «мозжило» потомъ;
Пусть тамъ, повстрѣчавшись съ «фигурой грудастой»,
Я-бъ «сладко повелъ своимъ ртомъ».

Со мной она тихо усѣлась бы рядомъ,
«Аттенціи» робкой полна;
«Смягченнымъ рѣсницами длинными взглядомъ
По мнѣ пусть прошлась бы она».

«Косы ондуляціей» взоръ свой при всякой
Съ ней встрѣчѣ бы я услаждалъ.
Она бы со мною «смотрѣла ломакой»,
А я «рисовальщикомъ» сталъ.

Пусть ядъ сладострастья гнѣздится въ «инсектахъ»,—
Мы съ нею, потупивши взоръ,
По цѣлымъ часамъ о какихъ-нибудь сектахъ
Мистичный вели бъ разговоръ.

Здѣсь выйдетъ, пожалуй, курьезный контрастикъ:
У ней разыграется кровь,

А я, идеальный глупецъ-«головастикъ»,
«Сыграю въ сухую любовь».

И если я страстность хоть разъ обнаружу,
То «окрикъ я дамъ на себя»;
Во мнѣ замѣчая душевную стужу,
Она огорчится, любя.

Ахъ, прочности мало въ мистичныхъ союзахъ!
Любви ея,—чую нутромъ,—
Какой-нибудь «юнкеръ, въ узѣйшихъ рейтузахъ,
Поставитъ дилемму ребромъ».

ОБОИ.

Цвѣты...
Все, что я думаю, знаютъ, слышатъ
И меня отравить хотятъ.

З. Гиппiусъ.

Въ часъ, когда всѣ краски смѣшаются,
Когда мракъ проникнетъ въ покои,
  На жизнь мою покушаются —
Кто бы могъ догадаться?—Обои!..
Но не вреднымъ дѣйствiемъ сырости,
Не микробовъ грознымъ потокомъ...
  Хотятъ страшнымъ призракомъ вырасти
Въ тьмѣ ночной предъ недремлющимъ окомъ:
То приступятъ къ горлу съ кинжалами,
То въ меня стрѣляютъ изъ ружей,
  Язвятъ смертельными жалами,
Леденятъ нестерпимою стужей.
Коль разсказъ мой встрѣтитъ сомнѣнiе,
Указать могу, для очистки,
  Какъ цвѣты... да, цвѣты покушенiе
Учинили на жизнь символистки.
Ахъ, ужъ скоро надъ нами обоими
Будутъ пѣть похоронную мессу:
  Убиваемъ я злыми обоями,
Отравляютъ цвѣты поэтессу!

НѢЧТО КЛАССИЧЕСКОЕ.

Дѣти Рима, Аттики,
Пиндаръ, Цицеронъ,
Древнія грамматики,
Толстый лексиконъ,
Классиковъ вся храмина,
Весь античный людъ —
Всѣ во дни экзамена
Знать себя даютъ.
И юнцы всѣ трудятся,
Потерявъ свой сонъ...
Чей же это чудится
Мнѣ и плачъ и стонъ?
Въ тихой мерехлюндіи,
Головы склонивъ,
Охаютъ герундіи,
Хнычетъ герундивъ;
И супинумъ въ горести
Плачетъ безъ конца...
На самомъ аористѣ
Не видать лица.
Хмурые, сердитые,
Молча собрались

Братья знаменитые —
Имена на is.
Словно какъ на пасѣкѣ
Рои пчелъ жужжатъ,
Такъ тихонько классики
Важные брюжжатъ:
«Жили мы блаженствуя
Много, много лѣтъ,
Нравы совершенствуя,
Проливая свѣтъ;
Просвѣщенье сѣяли
Мы изъ года въ годъ...
Что же вдругъ затѣяли
Противъ насъ походъ?
Сердце въ меланхоліи
Ноетъ и болитъ: —
Намъ futurum болѣе
Счастья не сулитъ;
Всѣ-то насъ чураются
И — о горькій часъ! —
Лишь найти стараются
Imperfectum въ насъ.
Въ этой пертурбаціи
Грезится бѣда...
Вотъ пройдутъ вакаціи —
Что насъ ждетъ тогда?..»

ПѢСНЬ ЧЕРНОМОРСКИХЪ «УГЛЕКОПОВЪ» [1].

Возлѣ угля мы безпечно
Грѣлись всѣ, и старъ и малъ...
Но — увы! — ничто не вѣчно:
«Кризисъ угольный» настал҆ъ.
Броненосцы, верфи, яхты,
Склады, крейсеры — въ умѣ
Почитали мы за шахты
И копались тамъ во тьмѣ.
Мы извилистые ходы
Рыли, рыли безъ конца,
И безгрѣшные доходы
Услаждали намъ сердца.
На путяхъ кривыхъ и темныхъ
Мы себѣ не ждали бѣдъ...
Но изъ нашихъ шахтъ укромныхъ
Силой гонятъ насъ на свѣтъ.
Ждемъ мы: кто изъ грозной схватки
Выйдетъ цѣлъ и невредимъ —
И, трясясь, какъ въ лихорадкѣ,
Какъ на угольяхъ сидимъ!

[1] Къ процессу о злоупотребленіяхъ при поставкѣ угля для черноморскаго флота.

ЛУКОЯНОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ.

Разъ мужей синклитъ собрался
(Что ни мужъ — ума палата!)
И вопросъ рѣшать принялся:
Нужно ль сѣчь меньшого брата.
Споръ кипѣлъ среди безумцевъ,
Споръ отчаянный и шумный...
Вдругъ изъ ярыхъ вольнодумцевъ
Вышелъ самый вольнодумный
И, собранью шаркнувъ ножкой,
Смѣло такъ провозглашаетъ:
«Хоть легонько, хоть немножко,—
«Сѣчь, конечно, не мѣшаетъ.
«Съ дѣтства съ розгою знакомыхъ
«Сѣчь велитъ намъ осторожность,
«Но... различье средь сѣкомыхъ
«Провести намъ есть возможность.
«Кто свой разумъ просвѣщаетъ
«Свѣтомъ книжнаго ученья,
«Тотъ порою ощущаетъ
«Непріятность отъ сѣченья.
«Такъ томимыхъ знанья жаждой
«Можно сѣчь бы и польготнѣй:

«Вмѣсто розогъ сотни каждой —
«Ограничимся полсотней...»
Смолкъ... Въ собраньи онѣмѣломъ
Страхъ на всѣхъ написанъ лицахъ...
И резонно: можно смѣлымъ
Быть, — но все жъ таки въ границахъ.
И хоть радъ, что къ меньшей братьѣ
Такъ относимся тепло мы, —
Самъ я сдѣлалъ бы изъятье
Лишь имѣющимъ дипломы.

«У КНЯЗЬ-ГРИГОРІЯ».

Неизданныя сцены изъ «Горе отъ ума».

«У князь-Григорія теперь народу тьма...»

I.

УДУШЬЕВЪ.

Ей-ей, мы къ гибели летимъ на всѣхъ парахъ...
На биржѣ что ни день, то крахъ!
Я васъ спрошу: спроста ли
Такія времена настали?
А кто во всемъ виновенъ? Буръ-съ!
Изъ-за какихъ-то тамъ Оранжевыхъ республикъ
Колеблется нашъ рубликъ
И нашъ страдаетъ курсъ...
Упрямѣйшій народъ! Укрылись между шанцевъ,
Сидятъ, какъ будто въ нихъ вселился бѣсъ...
Но гдѣ же честность-то хваленая голландцевъ?
[Рыдаетъ].
Подумали ль они, какъ терпимъ мы?

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ [сквозь зубы].

O, yes!
А все газетчики надѣлали, крича намъ,

Что мы сочувствовать не можемъ англичанамъ,—
И результатъ таковъ,
Что бритты гордые томятся средь оковъ,
Неся позоръ и пытки плѣна,
И меркнетъ солнце Чемберлена
Отъ трансваальскихъ мужиковъ...
Забыли мы о томъ, что мы въ матерьяхъ важныхъ
Безъ бриттовъ ни на шагъ... Беретъ невольно грусть...

РЕПЕТИЛОВЪ [про себя].

Ну, хватится опять о камерахъ, присяжныхъ...
Все это я ужъ знаю наизусть!
[Громко].
Газетчики народъ, конечно, мерзкій,
Но есть средь нихъ одинъ — извѣстный князь Пещерскій...

ЛЕВОНЪ.

Ахъ! ахъ! какъ пишетъ онъ, messieurs!

БОРЕНЬКА.

Онъ безподобенъ! delicieux!

МОЛЧАЛИНЪ.

Ужъ не укроется какой-нибудь тамъ Бебель
Или другой наглецъ отъ зоркихъ княжьихъ глазъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Да, признаюсь, предъ княземъ пасъ
И мой фельдфебель!

УДУШЬЕВЪ.

На-дняхъ какой онъ поднялъ шумъ...
Кричитъ: «Друзья! вѣдь въ думу лѣзетъ умъ!

Быть худу!
Но я твердить немолчно буду
И голову готовъ на отсѣченье дать,
Что въ думѣ квартирантъ не долженъ засѣдать.
Нѣтъ! лучше ужъ верблюду
Позволить влѣзть въ дыру игольнаго ушка,
Чѣмъ въ думу пропустить интеллигента».

ВОРКУЛОВЪ.

Достойна рѣчь сія аплодисмента.

ЧАЦКІЙ.

Не любитъ князь вашъ этого душка...

СКАЛОЗУБЪ.

Еще бы! Пропустить лишь въ думу квартирантовъ,—
И разведутъ они тамъ Спенсеровъ и Кантовъ...
Спасибо князю! исполать!

ФАМУСОВЪ.

Ужъ онъ таковъ. Едва разыщетъ нѣчто,
Способное основы потрясать,
Сейчасъ же примется писать, писать, писать...

РЕПЕТИЛОВЪ [по разсѣянности].

Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то!..

Занавѣсъ неожиданно падаетъ.

II.

СКАЛОЗУБЪ.

Я слышалъ—возникаетъ здѣсь союзъ
Литературно-философскій,
Какъ будто въ честь какихъ-то Музъ,—
На дѣлѣ же тамъ будетъ культъ бѣсовскій
И демонскій царитъ во всей красѣ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да, какъ же, знаю, слышалъ: члены всѣ
Изъ мистиковъ у нихъ и символистовъ.
Основамъ жизни будетъ сдѣланъ пересмотръ,
И, отъ толпы презрительно вдали ставъ,
Намъ вѣру новую дадутъ они.

РЕПЕТИЛОВЪ.

A d'autres!
Всѣ эти новшества мнѣ дѣйствуютъ на нервы.
Летимъ туда-сюда по вѣтру мы какъ пухъ...

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ.

Ужъ пусть бы заняли консервативный духъ
Мы хоть отъ Англіи.

ЧАЦКІЙ.

И стали бъ какъ консервы:
Когда ни взрѣжь ихъ, тотъ же ароматъ
И тотъ же соусъ въ нихъ томатъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Но до чего однако популяренъ
У насъ сталъ англійскій народъ;

Сегодня выхожу, а у воротъ
Извозчикъ-мальчуганъ ко мнѣ: «Наймите, баринъ,
Я живо подвезу».
— «Ты, кажется, братъ, пьянъ...» И что же этотъ птенчикъ
Отвѣтилъ мнѣ: «Я? ни въ одномъ глазу!
Всего-то выпилъ я одинъ лишь... «чемберленчикъ».

ЧАЦКІЙ.

Ну, надобно имѣть особый вкусъ,
Чтобъ популярности такой искать...

СКАЛОЗУБЪ.

Однако
Твердятъ повсюду, что союзъ
Намъ съ бриттомъ предстоитъ прочнѣе брака.
И что на вѣчныя отнынѣ времена
Мы позабудемъ перебранку.

ЧАЦКІЙ.

Да,—а пока мы сыплемъ на приманку
Имъ пробы русскаго зерна
И думаемъ умаслить масломъ нашимъ.

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ.

Такъ что же! Мысль не такъ уже дурна.
Пусть для союза почву мы распашемъ,—
И будетъ съ Англіей одна у насъ стезя...
Нельзя, mon cher, нельзя,
Чтобъ, какъ салопница-мѣщанка,
Твердили мы весь вѣкъ, что «гадитъ англичанка».

ЗАГОРѢЦКІЙ [князю].

Вашъ мопсъ — прелестный мопсъ...

РЕПЕТИЛОВЪ.

Вся англійская складка:
Обрублены и хвостъ, и уши для порядка...

ВОРКУЛОВЪ.

Скажите, какъ вамъ нравится «Миссъ Гобсъ?»

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ.

Да, вотъ народъ! Онъ не утратилъ юморъ.
Пускай тѣснитъ его отвсюду буръ,
Пускай хотя во всемъ краю моръ
Объявится, а онъ вамъ сложитъ каламбуръ.

ЛЕВОНЪ.

Но говорятъ, что многіе салоны
Отчасти были смущены...

БОРЕНЬКА.

Тѣмъ, что снимаютъ тамъ на сценѣ панталоны...

УДУШЬЕВЪ.

Еще бы, нравственность мы всѣ должны
Блюсти строжайше отъ соблазна.
И безъ того ужъ безобразна
Античная вся эта голь —
Венеры, граціи...

РЕПЕТИЛОВЪ.

Московскій «Метрополь»,
По увѣренью странницы Манефы,
Былъ не спроста сожженъ огнемъ,
А потому лишь, что на немъ
Все непристойные виднѣлись барельефы.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такой же точно судъ
Надъ ними учинилъ недавно
Какой-то господинъ съ фамиліей на «мутъ».

РЕПЕТИЛОВЪ.

А, какъ же, знаю я... онъ пишетъ славно...

МОЛЧАЛИНЪ.

И слогъ его всѣ ставятъ въ образецъ,
Куда ужъ до него писателямъ изъ новыхъ!
[Чацкому] Читали вы?

ЧАЦКІЙ.

Нѣтъ, признаюсь, не чтецъ
Такихъ вещей я образцовыхъ.

ДВИЖЕНІЕ ВПЕРЕДЪ.

БАСНЯ.

Въ почтенномъ вѣдомствѣ «препонъ» или «преградъ»
(Что-вѣдомство на «прѣ» — я знаю вѣрно)
Служилъ отечеству примѣрно
Закоренѣлый ретроградъ;
Онъ вѣровалъ нелицемѣрно,
Что въ новизнѣ источникъ зла
И что должны жевать мы все еще тѣ крохи,
Которыя упали со стола
При достопамятномъ царѣ Горохѣ.
Однако старины сей вѣрный другъ,
Служа, высиживалъ не только тотъ недугъ,
О коемъ умолчу изъ склонности къ приличьямъ, —
Но и чины, отъ нихъ не пятяся назадъ,
И быстро шествовалъ къ наградамъ и отличьямъ.

Движенію впередъ порою радъ
И ретроградъ.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ.

Недаромъ, нѣтъ, клянусь богами,
Сталъ свѣтъ такъ худъ:
Стояла въ небѣ вверхъ рогами
Луна Джегюдъ.

Отъ стужи кровь людская стыла,
Царилъ катарръ;
У англичанъ обходятъ съ тыла
Ихъ Гибралтаръ.

Попали въ кашлей, тифовъ, флюсовъ
Мы лабиринтъ;
Слагаетъ пѣснь Валерій Брюсовъ
Про дальній Индъ.

Увы, кислѣй былъ купороса
Погоды видъ,
И посрамилъ великороса
Мірдівцевъ дідъ.

Буръ любовался строемъ грознымъ
Англійскихъ спинъ;

Вертѣлся нѣмецъ съ видомъ слезнымъ
Вкругъ Филиппинъ.

Боксерскій духъ,—духъ Тун-фу-сьяновъ,—
Не сталъ инымъ;
За Нитцше принятъ Емельяновъ
Былъ Клюкинымъ.

И, затвердивъ въ ученомъ спорѣ:
«Кто смѣлъ на ны?» —
Извѣдалъ Грибоѣдовъ [1] горе
Отъ... отъ луны.

По скользкой бѣдствія дорожкѣ
Ходилъ весь людъ, —
А наверху торчали рожки
Луны Джегюдъ.

[1]) Метеорологъ, противникъ Демчинскаго.

СПОРТЪ И АЗАРТЪ

или

ДУРНОЕ ЗНАКОМСТВО.

Нравоучительная сказка.

Благонравный мальчикъ Спортъ,—
И вину, и картамъ
Чуждый,—вдругъ (попуталъ чортъ!)
Съ сорванцомъ Азартомъ
Дружбу свелъ; съ тѣхъ поръ они
Стали неразлучны.
Безъ Азарта—долги дни,
Игры Спорту скучны.
А Азартъ юлитъ, какъ бѣсъ,
Злое сѣмя сѣетъ...
Вотъ играть «на интересъ»
Спортъ уже умѣетъ,
И въ мечтахъ все денегъ рой
Носится кошмаромъ...
Встарь же просто онъ игрой
Увлекался съ жаромъ:
Ручкой, ножкой, прыгъ да дрыгъ,—
Вѣчно какъ въ припадкѣ,—
И по цѣлымъ днямъ привыкъ
Онъ играть въ «лошадки».

Указують намъ, какъ перєтъ,
Часто игры дѣтства,
Гдѣ намъ къ славѣ путь отверзтъ,
Въ чемъ успѣховъ средство.
Могъ онъ мѣсто получить
По коннозаводству
И представленъ даже быть
Къ чинопроизводству.
На него бы вся страна
Съ гордостью взирала;
Дослужиться бъ могъ сполна
Онъ до генерала.
Но... гдѣ могъ быть Пантеонъ,
Сталъ, увы, базаръ тамъ...
Жаденъ Спортъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ
Сталъ играть съ Азартомъ.
«Лошадь — деньги...» Мысль ясна!
Пусть на всѣ копыта
Разобьется, — лишь мошна
Была бы набита!
Въ точку онъ одну съ тѣхъ поръ
Сталъ долбить, какъ дятелъ,
И довѣрье — о, позоръ! —
Онъ отъ всѣхъ утратилъ.
Не воздвигнетъ въ честь его
Памятникъ потомство...
Вотъ дурное до чего
Довело знакомство!
Ни вина не зналъ, ни картъ,
Ѣлъ, курилъ онъ въ мѣру,
Но сгубилъ злодѣй Азартъ
Всю его карьеру.

ПО УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМѢ.

(Посвящается московскимъ упростителямъ правописанія).

Стремится наружу восторгъ,
Подобно фонтану изъ нефти...
Но кто же изъ сердца исторгъ
Мнѣ чувства умильныя *ефти?*
Надъ грамотой вдругъ пронеслось
Какъ будто дыханіе смерча...
«Валяй! упраздняй все! небось!
Пиши кто какъ хочетъ *таперча»*.
И пусть надъ собой до сихъ поръ
Встрѣчалъ ты повсюду глумленье,
Друзей «антиграмоты» хоръ, —
Такъ что же! впередъ *безъ сумлѣнья!*
Надсмѣшниковъ умъ ужъ таковъ,
Вездѣ себѣ ищетъ онъ пищи, —
Но знайте, на сотню враговъ
Найдутся друзей у васъ *тыщи*.
Вѣдь рады мы всѣмъ пренебречь,
Что пахнетъ преданіемъ отчимъ...
Однако объ этомъ я рѣчь
Завелъ только такъ, *между протчимъ*.

ПЛАЧЪ БУКВЫ Ѣ.

Я — именитая старуха, буква Ѣ,
За мной корректоровъ всегда толпится свита.
За что жъ теперь хотятъ меня изгнать
Изъ алфавита?
Положимъ, сгину я,—и что жъ потомъ?
Погибнутъ тысячи людей (къ чему лукавить!),
Которыхъ гордость вся была лишь въ томъ,
Чтобы меня на мѣстѣ ставить!

НА ПОХОРОНАХЪ РИѲМЫ.

Въ альбомъ упразднителю риѳмы С. А. Андреевскому.

Я навѣкъ прощался съ риѳмой...
Часъ прощанія былъ горекъ.
Грустно взоръ въ нее вперивъ мой,
Прошепталъ я: «Бѣдный Іорикъ!»

Нѣтъ! не вѣрю, чтобъ ты скрылась,
Риѳма, рѣзвая шалунья...
Вѣдь когда луна затмилась,—
Значитъ, скоро новолунье.

Лишь водой живою брызни,—
Ты, на радость всѣмъ поэтамъ,
Вдругъ возстанешь къ новой жизни,
Расцвѣтешь ты новымъ цвѣтомъ.

КЛАССИЧЕСКІЙ ПЛОДЪ.

О, матерь филологія!
Твой выдержавъ искусъ,
Хочу свести итоги я:
Гдѣ минусъ, гдѣ тутъ плюсъ?
Немало въ день я часиковъ
Терялъ изъ года въ годъ,
Вникая въ разныхъ классиковъ,—
Каковъ же вышелъ плодъ?
Корпѣлъ съ усердьемъ веліимъ
Надъ тѣмъ я иль другимъ:
Надъ Непотомъ Корнеліемъ,
Надъ Цезаремъ самимъ.
Однихъ покинувъ съ грустію,
Къ другимъ совалъ свой носъ:
Къ Виргилію, къ Саллюстію,
Къ творцу «Метаморфозъ».
И весь уйдя въ тѣ книжицы,
Себя я не берегъ;
Узналъ отъ «а» до «ижицы»
И вдоль, и поперекъ,—
И гдѣ какая литера,
И гдѣ какой союзъ,
И шалости Юпитера,

И склонности всѣхъ Музъ.
О, дивная гимнастика!
Ко всѣмъ познаньямъ ключъ!
Мой мозгъ, какъ гуммиластика,
Сталъ гибокъ и тягучъ.
Побывъ въ тискахъ классическихъ,
Сталъ мягокъ онъ какъ воскъ,—
Для штукъ акробатическихъ
Пригоденъ сталъ мой мозгъ.
А при такомъ орудіи
Могъ выйти безъ заботъ
Я въ люди на безлюдіи...
Все такъ... но гдѣ же плодъ?
Вездѣ ужъ зрѣютъ пажити,
А онъ еще не зрѣлъ.
Что дѣлать тутъ прикажете?
Таковъ его удѣлъ:
Напасть ему отъ сырости,
Отъ засухи бѣда...
Но дайте только вырасти,—
Тогда-то... о, тогда
Уймется ваша критика,
И смолкнетъ вашъ языкъ,
И будетъ,—погодите-ка,—
Тотъ чудный плодъ великъ.
И точно,—плодъ магическій
Великъ сталъ, наконецъ,
Великъ, какъ тотъ классическій,
Тотъ римскій... огурецъ.

КОШАЧЬЯ ТРАГЕДІЯ.

Иллюстрація къ внесенному въ Петербургскую Думу предложенію объ истребленіи кошекъ.

Посреди своихъ владѣній,
Въ старомъ креслѣ, вмѣсто трона,—
Возсѣдаетъ въ день весенній
Петербургская матрона.
Все весной благоухаетъ,
Солнце свѣтитъ въ каждой лужѣ;
А она... она вздыхаетъ —
И чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже.
Ахъ, она причину скорби
Рада бъ тотчасъ всенародно
Всѣмъ повѣдать: urbi, orbi
И еще кому угодно,—
Лишь бы кто-нибудь въ обитель
Къ ней явился... Ахъ, тогда бы...
Но найдется ль гдѣ любитель
Слушать пени старой бабы?
Все, чѣмъ женъ томятся души
Въ часъ тоски или недуга,
Лишь одни воспримутъ уши —
Уши бѣднаго супруга;

Но и мужъ ей внемлетъ хладно,
Безучастно, словно идолъ
(Онъ вчера кутнулъ изрядно,
Но женѣ себя не выдалъ).
Гласъ ея подобенъ гласу
Вопіющаго въ пустынѣ:
«Какъ! ужель всю кошекъ массу
Истребить желаютъ нынѣ?
Нѣтъ, теперь себѣ покоя
Не найду я ни на часикъ —
Такъ жалѣю глубоко я
Бѣдныхъ Машекъ, бѣдныхъ Васекъ!
У меня на сердцѣ бремя,
И въ душѣ... скребутся кошки...
Ты же — ты кошачье племя
Не жалѣешь, знать, ни крошки!
Что молчишь чурбанъ-чурбаномъ?
Что стоишь передо мною
Неподвижнымъ истуканомъ?
Отвѣчай мнѣ, что съ тобою?»
Но ужъ гнѣвомъ взоръ не дышитъ,
На устахъ упрекъ вдругъ замеръ, —
Лишь, въ отвѣтъ, матрона слышитъ:
«Это... это... Katzenjammer...»

СВЯТОЧНЫЙ НОМЕРЪ.

Есть удѣлъ на святкахъ
Горшій, чѣмъ цикорій, —
Смыслъ искать въ десяткахъ
«Святочныхъ исторій».
Вотъ ужъ начитались,
Кончена работа —
Въ головѣ остались
Лишь клочки чего-то:
Гробы... привидѣнья...
Гдѣ-то рубятъ елку...
Сумракъ... плѣсень... тлѣнье...
Ахъ, какъ мало толку!
Странные мужчины...
Роковыя числа...
Много чертовщины...
Ахъ, какъ мало смысла!

ВЪ СѢРОМЪ ТОНѢ.

Трезвый художникъ родныя намъ трезво рисуетъ
картины:
Все до унылости сѣро и всѣ до унылости сѣры...
Кажется, будто вездѣ безъ числа и безъ мѣры
Грязные клочья висятъ паутины.
Сѣры и алыя зори,
Сѣры и волны лазурныя въ морѣ,
Сѣръ у красавицъ румянецъ,
Сѣры носы воспаленные пьяницъ.
Сѣрымъ налетомъ подернуто все въ молодежи зеленой,
Словно въ степи опустѣлой и зноемъ спаленной,
А въ закопченныя наши оконца
Тускло проходитъ свѣтъ сѣраго солнца.
Чувства людскія и думы, и рѣчи
Сѣры, какъ дымъ, выходящій изъ печи.
Наши надежды безцвѣтны и плоски, какъ плиты панели,
Радости наши — всѣ цвѣта солдатской шинели,
Кажется, будто на всемъ необъятномъ просторѣ
Отъ Петербурга, при Финскомъ сидящаго морѣ,
И до красавицы Ялты
Сѣро-тягучую все представляетъ замазку...
Господи Боже! къ чему только далъ Ты
Намъ голубую, зеленую, красную краску?..

ТОРЖЕСТВО СИМВОЛИЗМА.

> Когда я увидѣлъ, какъ бодаются молодые, еще безрогіе, телята, я понялъ, что здѣсь также своего рода символизмъ.
>
> ИЗЪ ГАЗЕТНАГО ФЕЛЬЕТОНА.

Дѣти! вѣрите-ль вы слѣпо
Въ то, что призрачно и странно,
Символически-нелѣпо
И мистически-туманно?
Былъ я самъ матерьялистомъ,
Признавалъ лишь власть утробы,
Но теперь сталъ символистомъ
Девяностой съ чѣмъ-то пробы.
Наслаждаюсь я отнынѣ
Дивной музыкой небесной!..
Я обязанъ симъ скотинѣ, —
Да, скотинѣ безсловесной.
Я увидѣлъ разъ, о боги,—
Какъ на полѣ, передъ хатой,
Юный волъ, совсѣмъ безрогій,
Сталъ бодаться, какъ рогатый.
Поведеньемъ страннымъ симъ волъ
Доказалъ мнѣ ясно, дѣти,

Что рога есть только символъ
И что символъ все на свѣтѣ...
Проникаю я отнынѣ
Въ тайны всѣ натуры скрытной,
И обязанъ симъ скотинѣ —
Да, скотинѣ двухкопытной...

~~~~~~~~
~~~~~~~~

НА ПЯТОМЪ ДЕСЯТКѢ.

Отрывки.

I.

О мечты! видѣнія воздушныя!
Васъ смущаютъ лица равнодушныя,
Вы таитесь отъ нескромныхъ глазъ.
Встарь и я слагалъ вамъ пѣснь хвалебную,
И тайкомъ подъ вашу сѣнь волшебную
Убѣгалъ отъ жизни я не разъ.
Я кипѣлъ въ тѣ дни душою пылкою,
Трепеталъ, бывало, каждой жилкою
Изъ-за сущихъ часто пустяковъ;
Увлекался разными «теченьями»
И, гордясь своими увлеченьями,
Заносился въ высь до облаковъ...
Но съ тѣхъ поръ прошло довольно времени:
Порѣдѣли волосы на темени,
Жизнью я ужъ нѣсколько помятъ;
Разлетѣлись прежнія мечтанія—
И теперь былымъ огнемъ желанія
Ужъ давно мнѣ сердце не томятъ.
Пусть кипятъ, пусть мечутся любители!
Записался я отнынѣ въ зрители

И ума, и глупости чужой—
И предъ взглядомъ трезваго прозаика
Жизнь людей мелькаетъ, какъ мозаика,
Тѣша глазъ своею пестротой.

II.

Про слабость женщинъ толкуютъ... Я бы
Спросилъ: да точно ль онѣ такъ слабы?
Посмотришь, чуждо имъ все земное,—
Ну, а на дѣлѣ... совсѣмъ иное.
Однѣ пораньше, другія позже,
Всѣ ловко въ ручки хватаютъ возжи
И правятъ нами, какъ командирши.
Пускай поэтикъ слагаетъ вирши,
Усердно пыжась, какъ будто ежикъ,
И въ честь ихъ глазокъ и въ честь ихъ ножекъ;
Но, другъ поэтикъ, какъ ты ни ратуй,
Не расшевелишь ты этихъ статуй!
Страсть къ риѳмамъ сыщешь въ нихъ въ малой дозѣ,
Ихъ вкусы ближе къ презрѣнной прозѣ:
Питаютъ слабость онѣ къ резинамъ
(Предлогъ, чтобъ пачкать лицо въ грязи намъ),
Съ ливрейнымъ любо имъ ѣздить хамомъ,
Съ галантерейнымъ возиться хламомъ
Да красоваться въ уборѣ яркомъ...
Ну, право, лучше имъ всѣмъ, фигляркамъ,
Сидѣть бы дома, да штопать дырки,
А не кривляться, какъ клоуны въ циркѣ.
Про женскій полъ я сказалъ бы кратко:
Въ системѣ міра онъ опечатка.

Вѣдь, если взглянешь на вещи здраво,
Такъ намъ безъ женщинъ спокойнѣй, право.
Къ чему особа другого пола?
Къ чему дуэты? не лучше ль соло?
Не стоитъ портить себѣ печенки
Изъ-за капризовъ пустой дѣвченки.
При нашемъ небѣ свинцово-хмуромъ
Пристойно ль дѣло имѣть съ амуромъ?
А если скажутъ: «Когда-то, старче,
Твое же сердце горѣло жарче»,—
То я отвѣчу на это: друже!
Горѣло жарче?.. ну, что жъ! тѣмъ хуже!
То было жизни моей весною,
Тогда и пищей себя мясною
Любилъ потѣшить я, рабъ лукавый,
Ѣлъ ростбифъ сочный, бифштексъ кровавый...
Но, вотъ, желудокъ утратилъ свойство
Варить исправно плоды убойства—
И что жъ?—повѣрьте, съ того же часа
Постигъ я сразу всю мерзость мяса...

ИСТОРІЯ О ЦЕНТРѢ.

История гласитъ, что нѣкогда былъ нѣкто,
Который проводилъ, не покладая рукъ,
Изъ той же точки все за кругомъ новый кругъ.
Была ли магія здѣсь черная, иль секта
Особая (у насъ вѣдь слабость есть къ «кружкамъ»
И въ каждомъ стукать лбомъ своимъ хотятъ божкамъ),
Иль просто обладалъ географа, онъ жилкой
И, кругъ полярный смѣло очертя,
Онъ, къ новымъ широтамъ стремяся, какъ дитя,
На кругъ тропическій летѣлъ мечтою пылкой,—
Не все-ль равно? Таковъ его былъ вкусъ
И, несмотря на всѣ преграды въ мірѣ,
Онъ, такъ сказать, не дулъ себѣ и въ усъ
И съ каждымъ разомъ кругъ захватывалъ все шире.
Молчавшій долго центръ вдругъ издалъ робкій гласъ:
«Явился я на свѣтъ, знать, въ злополучный часъ!
Злымъ циркулемъ насквозь я продырявленъ...
О, еслибъ я отъ сей напасти былъ избавленъ!»
Но циркулю обидна рѣчь сія:
«Отъ моего ты терпишь острія
И на уколовъ ропщешь ты ненужность...
Ты просишь дать тебѣ покой...

Но знай,—я центръ колю, чтобъ твердою рукой
Проведена была окружность».

Быть можетъ мудрецы различныхъ школъ
Докажутъ, что ничто предъ вѣчностью уколъ,
А если онъ съ разумной сдѣланъ цѣлью,
То поводъ онъ не къ плачу, а къ веселью.
Въ итогѣ: «Веселися, славный Россъ!»
Но можно повернуть и иначе вопросъ:
Положимъ, центръ лежитъ на самомъ видномъ мѣстѣ,
Положимъ, что ему отъ всѣхъ и больше чести,—
Но почему, зачѣмъ или за что
Дырявъ онъ долженъ быть какъ рѣшето?

ПРЕДАТЕЛЯМЪ.

Мѣняется все въ свѣтѣ—вы же
Не измѣнилися покуда...
Но въ дни «страстей» еще вамъ ближе
Родоначальникъ вашъ Іуда.
Все такъ же сребренниковъ жаждой,
Какъ встарь, вашъ алчный духъ волнуемъ;
Изъ васъ, точь-въ-точь какъ прежде, каждый
Предать способенъ съ поцѣлуемъ,
Не потупляя очи долу...
Да, вы все тѣ же, іота въ іоту,—
Какъ будто бы ходили въ школу
Вы къ самому Искаріоту.

ДЖОНЪ.

Баллада.

Мы не рыцаря Мальбруга—
    Джона мы поемъ.
Джонъ! взгляни, крѣпка-ль подпруга
    На конькѣ твоемъ?
Джону волею Зевеса
    Этотъ данъ конекъ,
Чтобъ на немъ дары прогресса
    Развозить онъ могъ.
Джонъ еще во время оно
    Выѣзжалъ на немъ—
И конекъ любимымъ Джона
    Сдѣлался конькомъ.
Ѣздить Джонъ не любитъ шагомъ—
    Онъ спѣшитъ скорѣй
Пріобщать къ культурнымъ благамъ
    Глупыхъ дикарей.
Джонъ на нихъ глядитъ любовно:
    Онъ уже таковъ,
Что не можетъ хладнокровно
    Видѣть бѣдняковъ.
И такимъ онъ полонъ жаромъ,
    Рвеніемъ такимъ,

Что культуру радъ бы даромъ
    Насаждать онъ имъ.
Такъ онъ самъ повсюду въ трубы
    Трубитъ безъ конца...
Только—ахъ!—чрезмѣрно грубы
    Дикарей сердца;
Но, когда содрать двѣ шкуры
    Съ нихъ—да побольнѣй,—
То они дары культуры
    Чувствуютъ сильнѣй.
Сердце ихъ не такъ ужъ черство,
    Нравъ не такъ ужъ дикъ...
И въ науку живодерства
    Джонъ съ любовью вникъ.
Онъ съ обоихъ полушарій
    Шкуръ сбираетъ дань
И на всѣхъ несчастныхъ парій
    Простираетъ длань.
Черны, желты или буры—
    Онъ и не глядитъ:
Только были бы двѣ шкуры,
    Цвѣтъ же не вредитъ.
И безстрашно за экваторъ
    Ѣдетъ налегкѣ
Славный Джонъ-цивилизаторъ
    На своемъ конькѣ.
Слышалъ онъ, что грубый нѣкій
    Тамъ народецъ есть:
Развѣ можетъ безъ опеки
    Джона онъ процвѣсть?
Джонъ ужъ тутъ... Но онъ не понятъ,
    Онъ не оцѣненъ...

Мужики простые гонятъ
　　Дерзко Джона вонъ.
Джонъ грозитъ имъ, громы мечетъ—
　　Онъ не чаетъ бѣдъ...
Но въ игрѣ судьба и нечетъ
　　Шлетъ за четомъ вслѣдъ.
На конька онъ, по привычкѣ,
　　Ѣхалъ, положась,
Ну, а тотъ, при первой стычкѣ,
　　Сбросилъ Джона въ грязь.
И, хотя конекъ безспорно
　　Былъ то, а не мулъ,
Но, измѣны полонъ черной,
　　Джона онъ лягнулъ
И, какъ въ сказкѣ, въ заключенье
　　Вдругъ изъ глазъ исчезъ...
Вотъ въ какое приключенье
　　Джонъ злосчастный влѣзъ!

РЕНЕССАНСЪ[1].

Во снѣ очутился въ Берлинѣ я
(Что жъ лучше я видѣть во снѣ могъ?)
Тянулся рядъ улицъ, какъ линія,
Прямыхъ... видѣлъ нѣмцевъ я, нѣмокъ.
Всѣ нѣмки казались картинками,
Нѣжнѣй не встрѣчалъ я румянца;
Глазами, въ погонѣ за «рынками»,
Стрѣляли онѣ въ иностранца.
Тамъ весь арсеналъ культуртрегера,
Къ которому такъ мы привыкли:
Фуфайки сосновыя Егера,
Колбасы, сигары, бицикли
И пиво, которымъ утѣшено
Нѣмецкое сердце въ биргалкѣ,—
О рынкахъ кричало все бѣшено,
Все къ рынкамъ стремилося въ свалкѣ.
Порою въ воинственной версіи,
Порою же нѣжный, какъ флейта,
Тотъ крикъ доносился до Персіи
И слышался возлѣ Ковейта.

[1] **По поводу открытія въ Берлинѣ «Аллеи побѣдъ», которая была провозглашена первымъ шагомъ къ ренессансу нѣмецкаго искусства.**

— «Durchlaucht!..» (то-есть, попросту, «вашество!»)
Кричатъ, покупателю рады,
Отвсюду мнѣ... Что за торгашество!
Чуть-чуть я не плюнулъ съ досады.
Вы, нѣмцы, вы были поэтами,
А нынче пожалуй и Зибель
На рынкѣ торгуетъ букетами...
Искусству пришла у васъ гибель.
Ахъ, вы ужъ теперь человѣчества
Не цвѣтъ, не краса и не сливки!
Не вамъ внѣ предѣловъ отечества
Культурныя дѣлать прививки.
Такъ шелъ, о нѣмецкомъ упадкѣ я
Душою скорбя и болѣя...
Вдругъ... что это? грезы ли сладкія,
Иль бредъ? Предо мною аллея!
Не нимфъ, не вакханокъ ликующихъ,
Не скверныхъ сатировъ-уродцевъ
Разставили въ ней,—а чарующихъ
Величьемъ своимъ полководцевъ.
Робѣя, въ недвижныя очи я
Глядѣлъ имъ; я видѣлъ ихъ шлемы.
Мечи, портупеи и прочія
Войны и побѣды эмблемы.
Казалось мнѣ,—чувствовалъ вату я,
Которою грудь ихъ подбита.
Ну, словомъ, восторгъ—что ни статуя!
А, главное, все въ нихъ прикрыто
(Вѣдь скромность плѣняетъ,—не грація—
Въ фигурѣ Михеля иль Ганса).
О нѣмцы! теперь ваша нація
На славномъ пути ренессанса.

Вы предковъ изъ мирныхъ обителей
Призвали помочь вашимъ бѣдамъ,
И тѣни былыхъ побѣдителей
Васъ къ новымъ направятъ побѣдамъ.
И будутъ—не плодъ то фантазіи—
Владѣнія ваши велики.
Я слышу: изъ Африки, Азіи
Несутся призывные клики:
«Спѣшите дѣлить наши пажити,
Ждемъ мы васъ, ждутъ жены и дѣти...
Придите скорѣе къ намъ княжити,
Придите скорѣй володѣти».

АНГЛІЙСКІЯ РИѲМЫ.

И тоскуетъ и плачется Англія:
Гдѣ вы, дни и величья и славы?
Что случилось со мной? ужъ не рангъ ли я
Потеряла великой державы?
Чуть лишь солнце проглянетъ надъ Лондономъ,
Жду вѣстей изъ страны я алмазной;
Не дается все эта Голконда намъ,
И мечтою мы тѣшимся праздной.
Поздней ночью ли, ранней ли зорькою,
Ждемъ, не гонятъ ли насъ уже взашей...
Плачьте всѣ надъ англійскою горькою—
Надъ англійскою горькою чашей!

ОБРАЗЦЫ ДРУЖБЫ.

№ 1.

Брюзгой глядитъ на все и вся
Онъ изъ своихъ угрюмыхъ оконъ.
Себя надъ всѣмъ превознеся,
Кичится тѣмъ, что одинокъ онъ.

Но, впрочемъ, такъ и быть, готовъ
И снизойти онъ до вселенной
И всю ее, безъ дальнихъ словъ,
Признать своей страною ленной.

Онъ гордъ. Онъ джентельменскій цехъ
Унизить чѣмъ нибудь трепещетъ,
И признаетъ друзей лишь тѣхъ,
Кто по щекамъ его отхлещетъ.

№ 2.

Къ друзьямъ привязался онъ прочно,
Хоть видитъ онъ всѣ ихъ изъяны.
Повѣдать онъ можетъ вамъ точно
О томъ, что такое ихъ страны:

«На звѣря наткнетесь тамъ вдругъ вы,
«Который зовется «la chouba»;
«Подъ сѣнью развѣсистой клюквы
«Рѣзвиться ребятамъ ихъ любо!

«Не могутъ отъ крика и брани
«Они удержаться при встрѣчѣ;
«Ихъ геній сказался лишь въ банѣ,
«Ихъ лакомство—сальныя свѣчи.

«Друзья наши полны отваги,
«Но бытъ ихъ суровъ и не сладокъ.
«Цвѣта у нихъ наши на флагѣ,—
«Но только не нашъ ихъ порядокъ»...

№ 3.

Онъ вѣритъ: святы дружбы узы
И на землѣ, и на водѣ,—
И за союзами союзы
Онъ заключать спѣшитъ вездѣ.

Поклясться съ прямотой солдатской
Друзьямъ онъ въ вѣрности готовъ.
А если онъ съ пріязнью братской
Ласкаетъ также ихъ враговъ,

То не кривитъ душой, конечно,
Ничуть онъ,—Боже сохрани!
Всѣхъ долженъ онъ любить сердечно:
Онъ всѣмъ немножечко сродни.

Онъ въ благодарность за услугу
Въ честь друга радъ поднять стаканъ,

Готовъ услужливому другу
Послать въ подарокъ... хоть фонтанъ.

Но если другъ, гонимъ судьбою,
Свои невѣрные шаги
Къ нему направитъ и съ мольбою
Воскликнетъ: «Другъ мой! помоги—

«И крѣпче дружба наша станетъ,
«Вовѣкъ я ей не измѣню...
«Дай руку...» Другу онъ протянетъ
Кулакъ, закованный въ броню.

ОБЛАСКАННЫЕ.

«Россія обласкана Болгаріей свыше мѣры».

ИЗЪ РѢЧИ В. В. КОМАРОВА.

Пребывая на роляхъ медвѣдей,
Мы привыкли сносить поношеніе
Отъ ближайшихъ и дальнихъ сосѣдей,—
Тѣмъ отраднѣй для насъ утѣшеніе.
Пусть мы слабы, ничтожны и сѣры,
Животишки у насъ порастасканы...
Ну, такъ что-же! Зато свыше мѣры
Мы Болгаріей нынче обласканы!

Равнодушны къ учености благамъ,
Тонемъ въ пьянства пучинѣ мы бѣдственной;
Черепашьимъ мы движемся шагомъ
Въ областяхъ и путейской, и слѣдственной.
То во власти чумы, то холеры,
Вѣкъ мы жили отверженнымъ паріей...
Что за горе! Зато свыше мѣры
Мы обласканы нынче Болгаріей!

Да, теперь мы блаженны трикраты!
Мы стоимъ за надежной твердынею...

Одного я страшусь,—что объяты
Будемъ мы непомѣрной гордынею.
Будемъ думать: уже не химеры,
Что мы славны на два полушарія,—
Коль теперь далеко свыше мѣры
Насъ сама обласкала Болгарія!

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ АВСТРІЕЦЪ.

Нравоучительная сказка.

Гдѣ-то, не въ нашей,—въ чужой сторонѣ,
 Жилъ беззаботно австріецъ безпечный.
Въ играхъ вся, въ пляскахъ, въ весельи, въ винѣ—
 Жизнь его праздникъ была безконечный.
Столько родныхъ онъ имѣлъ, что бѣда:
 Тѣ ему братья, а тѣ ему сестры.
Франтомъ ходилъ онъ средь нихъ,—и всегда
 Платья его были ярки и пестры.
Вѣчно рядиться, играть въ маскарадъ,—
 Лучше не могъ онъ придумать утѣхи.
Нынче австріецъ онъ,—завтра же радъ
 Въ «венгры» слегка поиграть или въ «чехи».
Въ шумной толпѣ забывалъ онъ подчасъ,
 Кто тамъ «свои» были, кто чужеземцы;
Такъ все игралъ онъ... Вотъ вздумалось разъ
 Какъ-то австрійцу сыграть во «всенѣмцы».
Только... какъ сшить для всенѣмца костюмъ?—
 Нѣтъ въ головѣ никакого проекта.
Изъ дому выйдя, исполненный думъ,
 Въ лѣсъ онъ забрелъ... Тамъ съ нимъ встрѣтился
 «нѣкто».

Грозно австрійца онъ такъ вопросилъ:
— «Знаешь ли, ты во владѣнья пришелъ чьи?»
Пасть онъ разинулъ и, что было силъ,
Началъ зубами вдругъ щелкать по-волчьи.
— «Знай, не спроста къ намъ привелъ тебя рокъ!
Долго ли быть тебѣ пестрымъ, какъ зебрѣ?
Съ нами играть во всенѣмцы, дружокъ,
Вѣчно останься...» Завелъ его въ дебри
Мрачныя онъ и глядѣлъ мудрено,
Словно исполненъ былъ тайныхъ угрозъ ликъ...

———

Такъ же вотъ точно когда-то, давно
Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ.

ГРЕЗЫ ЕГО БЛАГОРОДІЯ.

Фантазія.

Мыслью своею его благородіе
  По поднебесью ширялъ,
Словно орелъ,—а его недородіе
  Только въ землѣ ковырялъ.

Съ дрянью какой-то возился навозною,
  Спину сгибая крючкомъ,
То передъ тучей смущался онъ грозною,
  То предъ какимъ-то жучкомъ.

Шутка-ль: старайся до поту десятаго,
  Рожь да картошку сажай...
А у его благородья—двадцатаго
  Вѣрный всегда урожай.

Важныхъ заботъ преисполненъ (неважными
  Онъ бы себя осквернилъ),
Онъ надъ полями—полями бумажными—
  Дождь изливаетъ чернилъ.

Пусть тамъ посѣютъ хоть зернышко маково,—
  Выростутъ въ горы труды;

Въ ведро ли, въ дождь ли,—всегда одинаково
Дѣлъ его зрѣютъ плоды.

«Если бъ»,—въ душѣ такъ его недородію
Онъ говоритъ,—«въ образецъ
Взялъ ты меня, то всѣмъ бѣдамъ, безплодію
Мигомъ насталъ бы конецъ.

«Пусть за тебя лишь я буду печальникомъ,—
Жизнь твоя станетъ свѣтла:
Ты бы не пахаремъ былъ, а начальникомъ
Сталъ бы ржаного стола.

«Въ центрѣ села, въ центрѣ каждаго хутора,
— Только бы дали мнѣ власть,—
Я бы сейчасъ посадилъ экзекутора
И казначейскую часть.

«Средство бъ я ввелъ, урожаи плодящее
Быстро, въ указанный срокъ:
Каждое сѣмя—пусть будетъ «входящее»
И «исходящимъ»—ростокъ»...

Радостны грезы его благородія:
Видитъ довольный онъ людъ,
Всѣ процвѣтаютъ исправно угодія,
Всюду осанну поютъ...

ДѢВИЧІЙ ДНЕВНИКЪ.

— Простилась на долго я съ Сержемъ... Увы.
Что будетъ мнѣ въ жизни приманкой?
Теперь я далеко отъ милой Невы,
Въ деревнѣ, простой гувернанткой.
— Мой идолъ! тебя позабыть я могу-ль?
Взываю къ тебѣ изъ темницы!..
— За лѣность поставила Петѣ я нуль,
Двѣ двойки и двѣ единицы.
— Напрасно гуляла я нынче въ саду:
Меня ужъ не тѣшитъ природа...
— Отъ Сержа письма съ нетерпѣньемъ я жду;
Коварный! ни строчки въ полгода!
— Сомнѣнія страшныя мнѣ безъ конца
Впиваются въ сердце, какъ змѣйки...
— Въ долгъ въ лавочкѣ забрано: три леденца,
Подсолнуховъ на двѣ копѣйки.
— Вчера пріѣзжалъ къ намъ съ визитомъ сосѣдъ
И дѣлалъ мнѣ сладкіе глазки.
— Обшила тесемкою новой корсетъ
И бантикъ пришила у баски.
— Да! проблескъ послѣдній надежды потухъ...
Судьбѣ я служу лишь игрушкой...

— Сегодня противный индѣйскій пѣтухъ
Все бѣгалъ за новой индюшкой.
— Пройдетъ моя молодость, за годомъ годъ...
Нѣтъ въ жизни ни смысла, ни цѣли...
— Сосѣдъ нашъ, безсовѣстный старый уродъ,
Ужъ не былъ четыре недѣли.
— О, кто же услышитъ отчаянья крикъ
И къ жизни вернетъ меня снова?
— Сосѣдъ нашъ премилъ... и совсѣмъ не старикъ...
Вчера я дала ему слово.

БОСЯКЪ и СИМВОЛИСТКА.

Проектъ романа въ новѣйшемъ вкусѣ.

Онъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ,
Но легка ему ихъ ноша.
На одной ногѣ—опорокъ,
На другой ногѣ—галоша.

Часто, къ платью беззаботный,
Безъ одной онъ ходитъ фалды.
Онъ издавна членъ почетный
Заведенія Кувалды.

Хоть казной онъ нищъ бываетъ,
Но весьма не чуждъ «казенки».
Всю мораль онъ почерпаетъ
Въ нѣдрахъ собственной печенки:

Только тѣ бываютъ любы
Для людей его закала,
У кого есть волчьи зубы
И прожорливость шакала.

А она... Но здѣсь, какъ мячикъ,
Дамъ я вбокъ прыжокъ огромный...

Нѣтъ, она не изъ босячекъ:
Видъ тоскующій и томный;

Нервы—каждый тоньше нитки,
Щеки—цвѣта блѣдныхъ лилій,
А края ея накидки
Колебались въ видѣ крылій.

Часто дѣва та, въ экстазѣ,
Трепетъ чуяла священный;
У нея таился въ фразѣ
Каждой—символъ сокровенный.

Словъ,—потокомъ своенравнымъ,—
Вылеталъ изъ нѣжныхъ устъ рой,
А клялась она лишь славнымъ,
Лишь великимъ Заратустрой.

И воздушнѣй грезъ поэта,
И какъ небо лучезарна,—
Презирала дѣва эта
Все, что плоско и вульгарно

(Какъ то: пищу и посуду),
Пила нектаръ изъ фіала
И искала вѣчно всюду
Воплощенья идеала.

Съ нею онъ—два метеора—
Гдѣ-то встрѣтились въ пространствѣ.
Онъ валялся у забора
И въ обычномъ былъ убранствѣ.

Сердце въ ней похолодѣло
И забилось сладкой дрожью:
Символъ въ немъ она узрѣла,
Посвященный босоножью.

Дѣва молвила: «О, кто ты?»
Онъ же ей: «Хочу я лопать...
Говорить мнѣ нѣтъ охоты...»
И въ ладони сталъ вдругъ шлепать.

Что та встрѣча дальше прочитъ,—
Дни блаженства или грусть имъ,—
Пусть разскажетъ вамъ кто хочетъ,
Мы же занавѣсъ здѣсь спустимъ.

ПРО БѢЛАГО БЫЧКА.

Жилъ-былъ бѣлый бычокъ,—это было давно,
Весь былъ бѣлъ онъ, на лбу лишь чернѣло пятно,
Словно храбро во всю разгулялся тамъ ляписъ.
Былъ въ почетѣ бычокъ, назывался онъ Аписъ.
Но постигнуть напрасно старались бы мы,
Почему тотъ бычокъ былъ какъ богъ возвеличенъ,—
Вѣдь отъ прочихъ бычковъ онъ лишь тѣмъ былъ отли-
ченъ,
Что на лбу былъ отмѣченъ онъ символомъ тьмы:
Самъ какъ снѣгъ, но вмѣстилище разума черно!
Впрочемъ, вѣрно бычки знали въ тѣ времена,
Какова черной мѣткѣ цѣна,
И стремились къ такому отличью упорно.
Но, увы! Надо было родиться съ клеймомъ,
А кому не дано оно было судьбою,
Тотъ не смогъ бы добыть его съ бою,
Хоть бы стукался объ стѣну лбомъ...
Жилъ-былъ черный бычокъ... Онъ живетъ и доселѣ.
Впрочемъ, я не увѣренъ вполнѣ,
Былъ ли это бычокъ въ самомъ дѣлѣ,
Хоть въ какой-то—какой не упомню—странѣ,
Панъ ли ясный, смиреннѣйшій жидъ ли,
Всѣ о немъ говорятъ, какъ о «быдлѣ».

Что-жъ! Пусть такъ! Но, какъ нынѣ, такъ будетъ въ
вѣкахъ
Все стоять и держаться на этихъ быкахъ...
Такъ иль этакъ, и быкъ онъ, не быкъ ли,
Но быкомъ его звать мы привыкли.
А ужъ чернымъ его я недаромъ зову:
Ѣлъ лишь черный онъ хлѣбъ, жилъ онъ въ черномъ
хлѣву,
И во тьмѣ онъ блуждалъ съ колыбели,
Словомъ, жилъ онъ всегда въ черномъ тѣлѣ,—
И по праву бы могъ возроптать на судьбу,
Но когда былъ со свѣтлымъ пятномъ онъ во лбу,
То конецъ наставалъ его пыткѣ.
Тутъ и хлѣвъ былъ иной, и другія харчи,
Могъ онъ ѣсть каждый день калачи,
И почетъ на него изливался въ избыткѣ.
Въ добрый часъ! Да притомъ же такое пятно
Въ наши дни пріобрѣсть и не такъ мудрено!..
Есть источникъ чудесный, и если случится,
Что бычокъ изъ него изопьетъ,—о! тогда
Превращенье съ нимъ тотчасъ свершится.
Все такъ просто,—въ одномъ лишь бѣда:
У источника вѣчная давка,
По дорогѣ къ нему вся притоптана травка;
Всѣ спѣшатъ, и едва лишь за всѣми бычокъ,—
Тотъ, другой норовитъ его въ бокъ!
Чуетъ онъ,—не добиться здѣсь толку
И при каждомъ толчкѣ,
Знай, вздыхаетъ себѣ втихомолку...
Не начать ли намъ сказку о бѣломъ бычкѣ?

РОМАНЪ СЪ ПРЕПЯТСТВІЯМИ.

(Въ русскомъ стилѣ).

Безъ проволочекъ слишкомъ длинныхъ,
Безъ разсужденій слишкомъ чинныхъ,
Безъ отступленій, безъ прикрасъ
Возьмусь я прямо за разсказъ.
Герой мой!.. я отъ васъ не скрою,
Что я сочувствую герою,
Я за него стою горой,
Но... былъ герой мой—не герой.
Отвагой духъ свой не питая,
Не проникалъ онъ вглубь Китая,
Онъ не носилъ звенящихъ шпоръ
И не кидалъ злодѣйскій взоръ
Въ толпу дѣвицъ, сидящихъ чинно
И ожидающихъ невинно,
Съ изящной граціей манеръ,
Не подойдетъ ли кавалеръ.
Онъ былъ довольно неотесанъ,
Едва умытъ, едва причесанъ,
Былъ отъ природы нелюдимъ
И хоть характеромъ своимъ
Былъ сходенъ съ пареною рѣпой,
Но видъ имѣлъ весьма свирѣпый!

Теперь войдемъ въ богатый домъ,
Гдѣ онъ съ усильемъ и трудомъ
Всѣ тайны знанья и науки
Внѣдряетъ, преисполненъ скуки,
Съ угрюмой важностью лица
Въ мозги лѣниваго птенца.
Птенецъ былъ сынъ преважной птицы
И братъ прелестнѣйшей дѣвицы.
Но, чтобы не начать съ конца,
Я опишу сперва отца.
Отецъ имѣлъ удѣлъ завидный:
Онъ былъ мужчина очень видный,
Былъ предсѣдатель разныхъ мѣстъ,
Носилъ съ достоинствомъ свой крестъ,
Имѣлъ подстриженныя баки,
Зналъ точно, гдѣ зимуютъ раки,
И потому,—но entre nous—
Имѣлъ набитую мошну.
Maman была тонка, какъ спичка.
Но дочка ихъ,—ахъ, что за птичка!
Признаюсь, вѣрьте или нѣтъ,
Я сочинилъ ей самъ сонетъ.
Въ немъ воспѣвалъ я силу страсти,
Рвалъ сердце бѣдное на части,
Взывалъ и къ аду, и къ богамъ,
И припадалъ къ ея ногамъ.
Сонетъ былъ писанъ сердца кровью...
Но ни стихами, ни любовью
Я не съумѣлъ ее плѣнить...
Оно и лучше, можетъ быть.
Дивясь ея лицу и стану,
Я ихъ описывать не стану:

Все это вышло бы сѣро,
Къ тому жъ слабо мое перо.
Зато признаюсь вамъ, что душу
Не такъ описывать я трушу,
Хотя въ ней ногу сломитъ чортъ:
Душа была первѣйшій сортъ!
Она была изъ аромата
И все стремилася куда-то...
Куда? Да все dahin, dahin,
Гдѣ зрѣетъ желтый апельсинъ.
Но какъ, скажите, ради Бога,
Она влюбилась въ педагога,
Хотя угрюмъ онъ былъ какъ волкъ?
Я не могу взять, право, въ толкъ.
Онъ ей представился загадкой,
Пошли свиданія украдкой,
Любовь влекла ихъ все впередъ—
И вотъ явились, въ свой чередъ,
Записокъ тьма, рукопожатья
И даже... тайныя объятья!
Но тутъ отецъ ихъ разъ поймалъ
И вмигъ учителя прогналъ.
Препятствій было очень много:
Швейцаръ, стоявшій у порога,
Мольбы maman и крикъ papa,
Почтенныхъ тетушекъ толпа...
Но было все, увы! напрасно.
Она любила слишкомъ страстно
И, чтобъ поставить на своемъ,
Перевернула цѣлый домъ
И завела такой порядокъ:
Сперва нервическій припадокъ,

Потомъ боченокъ горькихъ слезъ,
Три просьбы, дюжина угрозъ...
Отецъ бранился и бѣсился,
Но поневолѣ согласился.
Тогда... доставши гдѣ-то фракъ,
Онъ съ ней вступилъ въ законный бракъ.

УМѢРЕННОСТЬ.

Не стану съ ближнихъ шкуры драть я:
Вѣдь люди братья!
Считаетъ пусть меня Европа
За филантропа.
Иду къ презрѣннымъ міра благамъ
Я вѣрнымъ шагомъ;
Стригу я ближняго, гдѣ можно,—
Но осторожно!
Иной возьметъ, да спуститъ сдуру
Съ него всю шкуру,
Но не въ моемъ, признаюсь, вкусѣ
Такіе гуси.
Попасться можетъ и чиновный
Подъ уголовный,
А съ прокурорами вѣдь, дудки!—
Плохія шутки.
Сейчасъ пойдутъ въ тебя съ трибуны
Метать перуны,
Упрячутъ тѣло близъ Камчатки,
А душу въ пятки.
Вотъ вмѣсто этихъ неурядицъ
Достать подрядецъ

На мостъ, желѣзную дорогу,—
  И слава Богу!
А тамъ, когда начнутъ сквозь пальцы
  Плыть капитальцы,
Я ихъ немножко лишь почищу,—
  А мнѣ на пищу!
Такъ я себѣ на дней остатокъ
  Скопилъ достатокъ,
И въ мнѣньи свѣта, Богъ свидѣтель,
  Я благодѣтель.

МУЗА.

Я сказалъ богинѣ Музѣ:
«Да-съ! поэтовъ нынче масса!
Всѣ они съ тобой въ союзѣ
Осѣдлать хотятъ Пегаса.
Какъ съ такой толпой шальною
Ты справляешься, шалунья,
Особливо же весною
И во время полнолунья?»
Муза мнѣ въ отвѣтъ: «Я нынѣ
Для поэтовъ не приманка:
Вмѣсто пламенной богини
Вдохновляетъ ихъ... шарманка.
Заразившись обезьянствомъ,
Всѣ за ней воркуютъ сладко
Съ неизмѣннымъ постоянствомъ
Темъ избитыхъ два десятка.
И въ созданьяхъ ихъ искусства
Видимъ тотъ же все мотивъ мы,
Тѣ же сѣренькія чувства,
Тѣ же старенькія риѳмы».

В. С. С—ВУ.

Не то мудрецъ, не то пророкъ,
Умомъ онъ гибокъ словно хлыстикъ.
Его никто понять не могъ,
И потому всѣ звали «мистикъ».
То восклицалъ онъ: «Господа!
Скорѣе въ Римъ! признаемъ папу!»
(Дай власть ему—и онъ туда
Насъ потащилъ бы по этапу).
То утверждалъ, что нашъ народъ
Всѣмъ одаренъ природой щедро,
И звалъ торжественно въ походъ
Въ его таинственныя нѣдра.
И вдругъ, сознавъ, что въ этотъ вѣкъ
Смѣшно разыгрывать Мессію,
Себя публично онъ посѣкъ...
Да заодно ужъ и Россію.

ПЕРЕОЦѢНКА ЦѢННОСТЕЙ.

Фантазія.

Шла ломка...
Все рушилось, и отрекались громко
Всѣ отъ своихъ былыхъ боговъ...
Готовъ былъ каждый лѣзть на стѣнку,
Чтобы отъ старыхъ чувствъ до старыхъ сапоговъ,
Всему произвести переоцѣнку.
То стало солнцемъ, что мерцало встарь чуть-чуть,
Умъ сталъ вдругъ глупостью, спиною стала грудь,
И если фунтъ еще не сталъ аршиномъ,
То вѣрно по какимъ-нибудь
Пока невѣдомымъ причинамъ.
А, впрочемъ, что-жъ... аршинъ... Пусть не сочтутъ за бунтъ
Противъ палаты мѣръ,—я радъ ей слѣпо вѣрить,—
Но, все-жъ, когда аршинъ, какимъ все стали мѣрить,
Увидишь, то воскликнешь: «Вотъ такъ фунтъ!»
Итакъ, шла ломка...
Но въ свой старенькій халатикъ
Закутавшись и грѣясь у огня,
Самодовольно думалъ математикъ:
«Имъ не добраться до меня!

Всегда хозяинъ буду я въ цыфири,
И вѣчно будетъ дважды-два четыре...»
И ниоткуда онъ не ждалъ бѣды... Вдругъ—бацъ!—
Влетѣлъ, кривляясь какъ паяцъ,
Цѣнящій наново всѣ цѣнности философъ
И сыпать градомъ сталъ язвительныхъ вопросовъ:
«Не время-ль упразднить и игрекъ вамъ, и иксъ?
Неужто изъ-за нихъ вы подняли бы крикъ-съ?
И вѣчно ли быть долженъ неизмѣненъ
Классическій дуэтъ—«Малининъ и Буренинъ»?
Теперь за минусъ я, позвольте, заступлюсь:
Пусть онъ отнынѣ будетъ плюсъ!
А для чего, въ какой-то дикой злобѣ,
Вы цѣлости не признаете въ дроби?..
Въ концѣ-жъ концовъ вы сдѣлать бы должны,
Хоть лично для меня, одну бездѣлку:
Снести скорѣе въ передѣлку
Къ портному Пиѳагоровы штаны...»

Философа такого скороспѣлку—
Съ заботой о штанахъ—я, право, не пойму.
Что онъ штанамъ? и что штаны ему?
Не станетъ же носить ихъ взрослая персона,
Понеже тѣ штаны суть дѣтскаго фасона.

ЗА ЧТО Я УМЕРЪ.

(Изъ нравоучительныхъ разсказовъ).

Иные честь относятъ храбро
Въ разрядъ химеръ,—
Для нихъ она абракадабра...
Но сей примѣръ
Пусть насадитъ зачатки чести
Въ сердцахъ дѣтей...
Разъ истребилъ въ публичномъ мѣстѣ
Я тьму питей.
Восторгъ души я черпалъ въ пивѣ,
Какъ воду, эль
Я пилъ... Ждала же въ перспективѣ
Меня дуэль!
Когда мой умъ (не скрою факта)
Былъ помраченъ,
Вдругъ былъ за что-то кѣмъ-то какъ-то
Я оскорбленъ.
На утро,—трезвый и примѣрный,—
Вставъ безъ заботъ,
Я какъ во снѣ лишь помнилъ скверный
Сей анекдотъ.
Готовъ былъ кстати ли, не кстати ль
Я все простить...

Но вдругъ ко мнѣ пришелъ пріятель
Со словомъ «мстить»,
Твердилъ, что будетъ чести вѣчно
Моей ущербъ,
Коль опозорю я безпечно
Свой славный гербъ.
Я увѣрялъ его, что все-де
Галиматья,
Что и въ законѣ есть-де въ родѣ
Въ такомъ статья,
По силѣ коей я собрата
Убить не могъ...
—«Законъ,—сказалъ онъ,—чту я свято,
Но... онъ не строгъ.
Ну, посидите, скажемъ, годикъ-съ...
Два даже,—пусть...
(Казалось мнѣ, что зналъ весь кодексъ
Онъ наизусть!)
Зато подкосите врага вы,
Какъ колосъ серпъ,
И будетъ въ полномъ блескѣ славы
Сіять вашъ гербъ!!.»
Ахъ, тутъ бы тронулись и камни!..
Мой духъ повлекъ
Меня туда теперь, куда мнѣ
Былъ данъ толчокъ.
Такъ шаръ летитъ по волѣ кія,
И въ лузу—хлопъ!
Затѣмъ уже дѣла такія
Идутъ въ галопъ,
А при чрезмѣрности отваги
Во весь карьеръ:

Условья, секунданты, шпаги,
Потомъ барьеръ...
Держалъ оружіе отмѣнно
Мой врагъ свое
И насадилъ меня мгновенно
На остріе,
Какъ мальчикъ бабочку на шпильку...
Мой часъ насталъ!
Въ концѣ концовъ меня, какъ кильку,
Онъ распласталъ...
И перешелъ я, мстя обиду,
Къ небытію...
По мнѣ служили панихиду
И литію.
Я съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ
Лежалъ въ гробу
И, умирая, даже славилъ
Свою судьбу.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ АКЦІОНЕРА.

Сердца людей охотно веселя,
Зевесъ, приспособивъ для ихъ жилья планету,
Впослѣдствіи для нихъ придумалъ векселя
И крупную и мелкую монету.
Однако древній людъ глазѣлъ разиня ротъ
На тѣ дары, ниспосланные Зевсомъ,
Не зная, какъ пустить ихъ въ оборотъ.
Быть можетъ Зевсъ, въ мѣняльной лавкѣ сѣвъ самъ,
Въ умы людей внѣдрить сумѣлъ бы, сколь
Для нихъ спасителенъ кредитъ или онколь;
Но, сознавая всю обидность
Подобнаго занятья для себя,
Онъ создалъ новую людскую разновидность.
Остатковъ разныхъ качествъ наскребя,
Что были у него еще въ запасѣ,
Онъ увидалъ, что ихъ набралось чуть не съ пудъ:
Былъ здѣсь и къ деньгамъ зудъ,
И тяготѣнье къ кассѣ,
Способность проглотить мильонъ
Легко и не раздумывая думку,—
Какъ выпить водки рюмку,
Духъ спекуляціи, которымъ осѣненъ,

Способенъ проникать нашъ братъ во всѣ лазейки,
Гдѣ нужно, бѣгая хоть съ задняго крыльца.
И смастерилъ Зевесъ дѣльца:
Въ глазахъ пронырство, лапы клейки;
Еще малышъ,
Ужъ въ силахъ онъ постичь, сколь сладостенъ барышъ.
Всѣ презирая книжки,
Онъ уважаетъ лишь гроссбухъ;
Зато проходитъ онъ науку высшей стрижки.
Свой услаждаетъ слухъ
Онъ счетовъ щелканьемъ, какъ звуками симфоній.
И, поглощенный вѣчною погоней
За отысканьемъ новыхъ все Голкондъ,
Свой испытующій, изслѣдующій зондъ
Онъ направляетъ всюду.
Давъ жизнь ему, самъ Зевсъ сему дивился чуду,
Отъ удовольствія дрожалъ въ немъ каждый фибръ:
И мелкій здѣсь, и крупный былъ калибръ,
Но, несмотря на разницу въ масштабѣ,
Одинъ имѣли всѣ покрой.
Вдругъ, какъ толчокъ нежданный на ухабѣ,
Раздался рѣзкій крикъ, нарушивъ общій строй.
— Зачѣмъ мнѣ, Зевсъ, ты качествъ далъ излишекъ?
Нѣтъ, мнѣ не надобно совсѣмъ
Умѣнье разбираться средь дѣлишекъ...
Ты далъ мнѣ голосъ,—я хочу быть нѣмъ.
Чѣмъ вѣчно быть въ горячкѣ,
Разузнавать и какъ, и что, и гдѣ,
Хочу я жить, забывши о трудѣ,
Въ блаженной спячкѣ.
Оставь, о Зевсъ, мнѣ только апетитъ:
Пусть самъ мнѣ въ ротъ рой рябчиковъ летитъ.
Вотъ чѣмъ я утруждать рѣшилъ твою особу,

Пусть милости твоей то будетъ не во гнѣвъ-съ!..
Зѣвнувъ, лѣниво молвилъ Зевсъ:
— Что-жъ! сдѣлаемъ, пожалуй, пробу!..
Живи и ты!..
Вотъ на какой манеръ
Явился въ свѣтъ акціонеръ.

БАРОНЪ ФОНЪ-СИНДИКАТЪ.

Могучъ баронъ фонъ-Синдикатъ,
Отвсюду онъ сбираетъ дани;
На сѣверъ, югъ, востокъ, закатъ
Свои онъ простираетъ длани.

Жирѣя съ каждымъ днемъ,—давно
Онъ, какъ броней, обросъ весь саломъ.
Владыка сахара онъ... но
Жизнь не сладка его вассаламъ.
Хоть и безмѣрно ужъ богатъ,
Онъ неустаненъ былъ въ гешефтѣ,—
И сталъ баронъ фонъ-Синдикатъ
Владыкой полновластнымъ нефти.

Захочетъ онъ, фонтанъ заткнетъ,
Захочетъ,—бить велитъ фонтану
(Фонтанъ, ему послушный, бьетъ
Конечно многихъ... по карману).
И свѣтъ, и власть въ рукахъ держа,
Онъ думалъ: «Что жъ! Теперь пролѣзу
И дальше я...» И, словно ржа,
Сталъ подбираться онъ къ желѣзу.

На плугъ съ презрѣньемъ смотритъ онъ,
Но слабость онъ питаетъ къ рельсамъ.
Для нихъ готовъ гордецъ-баронъ
Пролѣзть ползкомъ въ любую щель самъ,
И будетъ Лазаря онъ пѣть,
И пуститъ въ ходъ онъ рядъ улыбокъ...
Онъ знаетъ: рельсовая сѣть
Годна для ловли крупныхъ рыбокъ.

Но все же онъ не сытъ,—о, нѣтъ!
(Не заколдованный здѣсь кругъ ли?)
Вѣдь ближній мало имъ нагрѣтъ,—
И сталъ баронъ мечтать объ углѣ.
И вотъ онъ царь надъ теплотой!
Но пѣснь его еще не спѣта.
Летитъ онъ далѣе мечтой:
На все онъ налагаетъ veto—

На солнца свѣтъ и блескъ луны,
На день и ночь, на воду, воздухъ,
На громъ и бурю, плескъ волны,
Трель соловья и нѣжныхъ розъ духъ...
Всему судья онъ, всѣмъ законъ!
И, вопреки обычнымъ мѣркамъ,
За милліономъ милліонъ
Летитъ волшебнымъ фейерверкомъ.

Смирись же, жалкій человѣкъ,
Предъ всемогущимъ Синдикатомъ.
Что передъ нимъ ты? Онъ—Казбекъ,
А ты, увы!—ничтожный атомъ.

КАКЪ БЫЛЪ ПРИКРѢПЛЕНЪ ПОТРЕБИТЕЛЬ[1].

Баллада.

Все было печально... Суровой рукой
Судьба всѣхъ трепала со злостью такой,
    Какъ сына свирѣпый родитель.
Дрожало все въ страхѣ,—звѣрь, птица, листва...
Все, кромѣ счастливаго лишь существа
    Того, что звалось «потребитель».
И все-таки слезы порой онъ съ рѣсницъ
Ронялъ: потреблять... потреблять безъ границъ—
    Удѣлъ сей не слишкомъ ли сладокъ?..
Былъ самъ по себѣ онъ безпомощенъ, нагъ...
Владыкамъ своимъ былъ онъ каждымъ изъ благъ
    Обязанъ: таковъ былъ порядокъ!
Онъ ими и въ ситцы одѣтъ, и въ парчи,
Изъ лавокъ ихъ онъ получалъ и харчи,
    Отказа не зналъ и въ дессертѣ.
И милостью ихъ сытъ, обутъ и одѣтъ,—
Онъ ими-жъ отъ всѣхъ застрахованъ былъ бѣдъ:
    Отъ града, огня и отъ смерти.

[1] Посвящается страховымъ обществамъ, постановившимъ не допускать перехода застрахованныхъ у нихъ лицъ въ другія общества.

Чуть-чуть что не рябчиковъ жареныхъ въ ротъ
Летѣлъ ему рой... А въ возмездье щедротъ,
Которыя долею львиной
Онъ бралъ отъ владыкъ,—дать имъ долженъ былъ всякъ
Лишь все, что имѣлъ, плюсъ какой-то пустякъ...
Ну, скажемъ хоть... все съ половиной.
Частенько, чтобъ фальши не вышло какой,
То тотъ, то другой изъ хозяевъ рукой
Карманъ потребителя щупалъ.
Внушителенъ видъ былъ могучихъ владыкъ:
На выкатѣ очи, огромный кадыкъ,
Ихъ чрево—не чрево, а куполъ.
Порой, ощущая ихъ мощную длань,
Роптал потребитель, вручая имъ дань:
«За что я плачу сію мзду?»—молъ...
Онъ могъ жить безпечно,—но былъ онъ лукавъ!
Какъ школьникъ, что прячетъ шпаргалку въ рукавъ,
Владыкъ онъ обманывать вздумалъ.
Но чуть лишь утаивать сталъ онъ оброкъ,
Увидѣли ясно они, что не впрокъ
Свобода ему, поелику,
Не чуя узды, все храбрѣй и храбрѣй
Онъ ищетъ владыкъ для себя подобрѣй,—
Въ чемъ можно представить улику.
И вотъ порѣшили,—и изданъ указъ:
«Да вѣдаетъ рабъ, что какія отъ насъ
Ни вышли бы къ дани прибавки,
Онъ будетъ посредствомъ тягчайшихъ оковъ
Отнынѣ и впредь до скончанья вѣковъ
Всегда прикрѣпленъ къ своей лавкѣ.
«Найдетъ въ ней предѣлъ для своихъ онъ потребъ:
Навѣки все тотъ же онъ ѣсть будетъ хлѣбъ,
Навѣкъ онъ къ квартирѣ прикованъ,

Того же издѣлья все будетъ камзолъ
И будетъ все тамъ же отъ всякихъ онъ золъ,
Отъ всяческихъ бѣдъ застрахованъ...»
Съ тѣхъ поръ потребитель, едва лишь загнетъ
Хотя бъ втихомолку словечко про «гнетъ»,
Про «жадно сосущихъ піявицъ»,
Сейчасъ средь владыкъ поднимается гулъ,
Владыка владыкѣ кричитъ «караулъ»,—
И мигомъ обузданъ лукавецъ!

ЗА ЦѢЛЫЙ ГОДЪ.

(1901).

На манеръ калейдоскопа
Здѣсь за Азіей Европа,
Дальше Африка на смѣну
Пусть появится на сцену
(Мало-ль, Господи, земель-то!).
Вотъ предъ нами Рузевельта
Энергичная фигура...
И опять мы видимъ бура,
И опять все тѣ же бритты,
Такъ же наглы, хоть и биты
Кучкой бурскихъ ополченцевъ...
Вотъ морящіе младенцевъ
Людоѣды-Китченеры...
Дальше—дальше инженеры
(Ахъ, для этой эпопеи
Нужны бъ были не хореи,
А язвительные ямбы),
Воздвигающіе дамбы
Въ видѣ легкихъ декорацій...
Притѣсненье конгрегацій...
Безконечные пожары...
Юбилеи... юбиляры...

Непокорный шейхъ Ковейта...
Броненосецъ грозный чей-то...
Предъ чумой все тѣ же страхи
И по всей Европѣ крахи...
Македонцевъ хитрыхъ ковы...
Подпоручики Клыковы...
Много толковъ о разводѣ,
О Демчинскомъ и погодѣ...
Разговоры о дуэли,
О войнѣ въ Венецуэлѣ,
О здоровьи папы въ Римѣ
И о Горькомь о Максимѣ...
Въ банкахъ много недохватокъ...
Восхищенье психопатокъ,
Съ перезрѣлыми красами,
Тенорами и басами...
Недовольство жаркимъ лѣтомъ
И леченье синимъ свѣтомъ...
Всѣхъ вспугнувшіе тарифы...
Недородъ... брюшные тифы...
Въ странномъ рѣзвости припадкѣ
Въ политическія прятки,
Или, можетъ быть, и жмурки
Разыгравшіеся турки...
О плѣненной Стонъ забота...
На статистиковъ за что-то
Ополчившіеся земцы...
Всюду лѣзущіе нѣмцы...
Легіонъ дѣвицъ въ аптекахъ...
Память вѣчная о «грекахъ»...
Умаленіе латыни...
Гонорары въ медицинѣ...
Наконецъ, Абдуррахманы,

Чанги, Туны и Туаны,
Искупительные принцы,—
Вотъ почти и всѣ гостинцы,
Что принесъ намъ годъ минувшій,
Нынѣ въ Летѣ потонувшій,
Вотъ что било всѣхъ по нервамъ
Насъ въ году столѣтья первомъ.

СОВРЕМЕННЫЯ РИѲМЫ.

(Поэтическая шалость).

Потокъ нашей жизни, въ которомъ
Все такъ прихотливо сплелось,
Несетъ насъ бензино-моторомъ
Куда-то впередъ на-авось.
Онъ въ томъ или этакомъ родѣ
Бываетъ, смотря по деньку,—
То бурный, какъ споръ о погодѣ,
То тихій, какъ спросъ на пеньку.
Мы сѣемъ, несясь вдоль теченья,
Крупицы добра или зла
(Къ чему кто имѣетъ влеченье)
И, кажется, наши дѣла
Слѣда не оставятъ, какъ яликъ,
Скользящій надъ зыбкой волной...
Но жизнь—какъ фонографа валикъ:
Совсѣмъ не замѣтитъ иной
Ни черточекъ въ немъ, ни царапинъ,
Но штифтъ лишь надъ нимъ укрѣпятъ,
И Собиновъ, Фигнеръ, Шаляпинъ
Оттуда поютъ и шипятъ.
Итакъ, пусть бездѣльемъ безславитъ
Нашъ родъ себя,—что же!.. Могучъ,

Быть можетъ себя онъ проявитъ,
Какъ тайный, незримый иксъ-лучъ.
Пусть къ подвигамъ славнымъ въ насъ замеръ
Порывъ,—онъ, быть можетъ, великъ,
Какъ мамонтъ, добыча кунсткамеръ,
И цѣненъ, какъ мамонтовъ клыкъ.
Надежнѣе тайнъ телефона
Въ душѣ затаился онъ, но,
Подобно струѣ изъ сифона,
Вдругъ брызнуть ему суждено.
Тогда унесется свободный
Нашъ духъ въ край волшебныхъ чудесъ:
Такъ мчитъ телеграфъ безпроводный
По воздуху литеру S.
Подобные аэропланамъ,
Мы къ солнцу взлетимъ и къ лунѣ;
Тогда и свѣтла, и тепла намъ
Жизнь будетъ казаться вдвойнѣ.
И небо вблизи, и огни-то
Увидимъ мельчайшихъ мы звѣздъ...
Но, ахъ!... Насъ сильнѣе магнита
Земля къ себѣ тянетъ... Какъ дроздъ,
Въ гнѣздо близъ Лѣсныхъ огородовъ
Явившійся въ легкомъ пальто,
Пока ему самъ Кайгородовъ
Не далъ разрѣшенья на то,—
Такъ я огорченья лихія
Терплю, отрезвясь отъ мечты...
Увы, какъ и прежде, стихія,
Надъ нами владычица ты!
Хоть ближе къ природы мы тайнамъ,
Хоть свѣтъ озаряетъ дневной
Все то, что вчера, какъ Китай, намъ

Казалось укрытымъ стѣной,—
Но тѣ же Харибда и Сцилла
Готовятъ повсюду намъ гробъ:
Здѣсь намъ угрожаетъ бацила,
А тамъ стережетъ насъ микробъ.
Мнѣ грустно... Какъ морфія жрица
Тоскуетъ душой, коль она
Уколовъ Праватцова шприца
На день или два лишена,
Такъ меркнетъ во мнѣ духъ отваги
И тѣнь лишь отъ сна моего
Осталась мнѣ: пигментофаги
Всѣхъ красокъ лишили его.

ОТЪ ЭТИКИ КЪ ЭТИКѢ.

Кто незнакомъ
Съ героемъ сказочнымъ — «набитымъ дуракомъ»?
Судьба, свое являя своенравье,
Ему удары щедрою рукой
За то лишь сыпала, что онъ за упокой
Кричалъ, когда кричать бы долженъ былъ за здравье.
Притихъ дуракъ, пока не заживилъ спины;
Но не сидѣть же вѣкъ свой дома, какъ въ скорлупкѣ.
Онъ услыхалъ, что мы свои поступки
По правиламъ соразмѣрять должны,
И если соблюдать отъ точки ихъ до точки,
То можно ожидать отъ жизни всякихъ благъ.
Къ законнику, ища совѣта, нашъ дуракъ
Отправился безъ проволочки.
Тотъ сжалился надъ немощью дурацкой
И этикѣ его наставилъ адвокатской:
Онъ научилъ его,—что бѣло, что черно,
А впрочемъ черное нашелъ онъ съ бѣлымъ схожимъ,
Откуда выводъ сдѣлалъ, что одно
Всегда мы за другое выдать можемъ.
Постигнувъ правило, ликуетъ дуралей,
И, лавочку открывъ, продажей бакалей
Онъ занялся, всему назначилъ таксу,

Но вмѣсто сахара—суетъ онъ людямъ ваксу,
А вмѣсто ваксы—тычетъ имъ крахмалъ;
За это билъ его и старъ, и малъ.
Собратья тронулись его судьбой суровой
И научили этикѣ торговой:
«Къ чему обманъ? къ чему обмѣръ изъ-за гроша?
Нѣтъ,—если ты ужъ жаждешь барыша
Примѣрно такъ сто на сто,
Кричи, что тяжкія настали времена,
Что падаетъ торговля, что она
Поддержку получить должна—и баста!»
Вотъ строить дураку взбрело на умъ дома;
На видъ невзрачные,—дома тѣ были стойки,
Но началъ онъ кричать съ великаго ума,
Что падаютъ и рушатся постройки
И безъ поддержки имъ не простоять никакъ!
Опять наказанъ былъ дуракъ,
Но съ этикой зато знакомъ сталъ инженерной:
«Пусть гладко будетъ все снаружи,—а внутри
Оно напичкано быть можетъ всякой скверной;
А о паденьи,—кто что хочетъ говори:
Вѣдь все равно, по этой ли причинѣ,
Иль по другой, все пасть въ свой часъ должно».
Задумавши предаться медицинѣ,
Дуракъ рѣшилъ: «Конечно все равно,
Чѣмъ внутрь больного ты ни пичкай»,—
И храбро сталъ давать мышьякъ, хлоралъ и бромъ.
Пресыщенный такимъ добромъ,
Больной сперва сталъ спичкой,
А тамъ и къ праотцамъ ушелъ. Врачей конклавъ
Рѣшилъ: «По этикѣ врачебной
Дуракъ неправъ!
Врачъ долженъ обладать лишь силою цѣлебной,

Но впрочемъ если ядъ, уколъ или надрѣзъ
И къ смерти поведетъ, то мы миримся съ этимъ
Когда замѣшанъ здѣсь научный интересъ».
Дуракъ (который, кстати здѣсь замѣтимъ,
За тридевять земель жилъ въ сказочной странѣ)
Служить сталъ вслѣдъ за этимъ въ войскѣ.
Конечно, онъ и здѣсь повелъ себя по-свойски:
Былъ кѣмъ-то онъ задѣтъ случайно въ толкотнѣ,—
Тутъ нужно бы ему подраться на дуэли,
А онъ разузнавать пустился про врага,
Искривлена ль рука его или нога
И всѣ ли органы исправны въ тѣлѣ.
Узнавъ, что аномалій нѣтъ,
Дуракъ рѣшилъ, что онъ не въ правѣ
Его на тотъ отправить свѣтъ.
Тутъ научили дурня, что въ уставѣ
Военной этики есть правило,—оно
Гласитъ, что отъ толчка любого на мундирѣ
Сейчасъ же темное является пятно,
Котораго ничто не смоетъ въ этомъ мірѣ,
Одна лишь развѣ кровь. Къ законнику опять
Дуракъ спѣшитъ—и слышитъ онъ вторично:
«Хотя невѣжество и смѣетъ утверждать,
Что темное отъ свѣтлаго отлично,
Но, въ сущности, цвѣта равны конечно всѣ».
Дуракъ нашъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ;
Куда ни сунется,—повсюду неудача.
Вопитъ онъ, чуть не плача:
«Ахъ, для чего на жеребьяхъ судьбы
Мнѣ скверный вынулся билетикъ?»
Мой другъ! все дѣло въ томъ, что нынче много этикъ
И мы различныхъ правилъ всѣ рабы.
А прежде малолѣтнихъ Ванекъ, Васекъ, Петекъ,

Не много мудрствуя, равно учили всѣхъ:
«Такъ дѣлать хорошо, а такъ вотъ дѣлать грѣхъ».
Но, если поглядишь на дѣло трезвымъ глазомъ,
Во многихъ этикахъ и пользу ты найдешь:
Пусть адвокатское срамишь ты званье,—что-жъ!
Ты можешь возсіять въ коммерціи алмазомъ.

СКАЗАНІЕ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ ДУХѢ.

Какъ *тамъ* хорошо! Но дорогу туда
Теперь вы едва ли найдете.
Я помню,—въ тотъ край я въ былые года
Леталъ на коврѣ-самолетѣ.
Какъ гусель тамъ свѣтелъ и радостенъ звукъ!
Какъ веселы пѣсни Баяна!
Заслышавши ихъ, просвѣтлѣла бы вдругъ
Царевна сама Несмѣяна.
Раздолье полей, необъятная ширь...
Вотъ дрогнула гулко сама тамъ
Сыра мать-земля... Это вскачь богатырь
На бурушкѣ мчится косматомъ.
Матеръ его конь, да и витязь не тощъ.
Подумать,—такъ на-смѣхъ и курамъ!
Онъ, сидючи сиднемъ, сбиралъ свою мощь,
Собралъ—и прославилъ свой Муромъ.
Но кто жъ онъ? Онъ другъ бѣдноты и голья,
Гроза для тугариновъ-зміевъ...
Кто онъ? Ну, да кто жъ, какъ не старый Илья?
Спѣшитъ онъ во славный градъ Кіевъ.
Пронесъ мимо топей, болотъ его конь,
Нигдѣ своихъ ногъ не увязя,
И вотъ ужъ гремитъ богатырская бронь
Въ палатахъ у Солнышка-князя.

У Солнышка витязи всѣ на пиру
Наѣлись успѣли напиться,
Проспались—и въ поле опять поутру
Умчались съ погаными биться.
Взгляни-ка на нихъ! Повернутъ лишь плечомъ,—
Вокругъ такъ и валится ворогъ.
Тотъ сотни побилъ, а тому нипочемъ,
Пожалуй, и тысячей сорокъ.
Какъ солнце, такъ слава блеститъ одного,
Другимъ—какъ звѣздамъ и лунѣ честь,
Но русскій въ нихъ всѣхъ слышенъ духъ и его
Недаромъ чурается нечисть.
О, край, край чудесный! И я тамъ бывалъ.
Зналъ витязей славную братью,
И чару вина-зелена тамъ пивалъ,
И бился съ невѣрною ратью.
Но если теперь меня снова влечетъ
Туда, къ этой шири, приволью,
Сажусь—и ни съ мѣста коверъ-самолетъ!
Боюсь, не попорченъ ли молью...
Иль, можетъ быть, жертвою времени ставъ,
Тяжелъ онъ отъ грязи и пыли...
Да Богъ съ нимъ совсѣмъ! Вѣдь у насъ теперь ав...
Ну, какъ ихъ!.. ав... автомобили.
(Надѣюсь, о нихъ отозваться шутя
Не слишкомъ большая ужъ ересь:
Вѣдь бросимъ же ихъ, какъ игрушку дитя,
Когда, не на шутку оперясь,
Мы станемъ летать въ поднебесной странѣ
На крыльяхъ новѣйшей системы).
Итакъ, мы отставку даемъ старинѣ;
Не будемъ у вѣка въ хвостѣ мы.

Ну, стоятъ ли струны Баяна—пера
Новѣйшихъ временъ стихотворца?
Въ придачу притомъ же у насъ тенора
Di grazie есть и di forza.
А витязь новѣйшій... не рыщетъ, какъ левъ,
Онъ въ полѣ-раздольѣ зеленомъ,
А, сиднемъ лѣтъ тридцать подрядъ просидѣвъ,
Идетъ на покой... съ пенсіономъ.
Духъ русскій... теперь уже нечисть не жди,
Чтобъ самъ онъ пожаловалъ въ двери.
Его не разыщешь, пожалуй, среди
Рѣдчайшихъ сортовъ парфюмерій,
И слухъ даже есть, что готовъ ужъ почти
Въ какой-то комиссіи (къ нашей,
Конечно, все пользѣ) проектикъ—ввести
Намѣсто него духъ чувашей,
А можетъ быть, впрочемъ, и чукчей. Слѣдить
Особыя будутъ палаты
За тѣмъ, чтобы прежнему духу не быть...
Расписаны даже и штаты,
Но что-то не въ ту занесли тамъ графу
И тѣмъ учинили загвоздку.
Не будетъ ужъ нечисть кричать «фу-фу-фу»,
Почуявши «русскую костку».
Она станетъ важной, какъ лапчатый гусь,
И все, приберетъ въ свои руки
И будутъ, внимая разсказамъ про Русь,
Съ сомнѣніемъ спрашивать внуки:
Да вправду ли пѣлъ тамъ Баянъ-соловей?
Играли ли звонкія гусли?
И славные витязи были ли въ ней?
И самая Русь-то—ужъ Русь ли?

БРИТАНСКАЯ ПѢСНЯ.

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ всѣ чтутъ лишь права
        Силы,
Гдѣ коптитъ небо коксъ,
Гдѣ всѣмъ теннисъ и боксъ
        Милы?
Тамъ царитъ царь всѣхъ биржъ
(Нашихъ дней командиршъ)—
        Лондонъ;
Тамъ, въ угоду ему,
Лицемѣрный всему
        Тонъ данъ.
И съ безстрастнымъ лицомъ
Лордъ зоветъ тамъ лжецомъ
        Лорда.
Божество тамъ—доходъ,
Знаетъ счетъ тамъ народъ
        Твердо.
Рыщетъ онъ по морямъ,
Продаетъ дикарямъ
        Опій,
И спуститься хоть въ адъ
Для алмазныхъ онъ радъ
        Копей.

Не страшитъ его срамъ,—
Лишь заткнуть болтунамъ
Глотку-бъ!
Противъ нихъ онъ давно
Знаетъ средство одно,—
Подкупъ.

СВЕРХЪ-ТЕАТРЪ.

I.

Чортъ въ литературѣ.

Фантастическо-драматическое представленіе въ 1-мъ дѣйствіи.

Лысая гора; кружатся три вѣдьмы.

1-я вѣдьма.

Сводъ неба мраченъ, воздухъ мглистъ!

2-я вѣдьма.

Кто мчится тамъ подобно птицѣ?

3-я вѣдьма.

То нашъ философъ-символистъ
Верхомъ на Бѣлой Дьяволицѣ.

[Философъ спускается на гору; вѣдьмы исчезаютъ].

Философъ.

Недаромъ на Лысую гору
Я прибылъ въ полночную пору,
Недаромъ избралъ эту мѣстность...
Хочу я родную словесность

Постичь до мельчайшихъ извилинъ...
Кто это гогочетъ тамъ? Филинъ?
Вотъ пискнула будто бы крыса...
О, какъ здѣсь все голо... какъ лысо!

БѢЛАЯ ДЬЯВОЛИЦА.

Тебя я сюда, гдѣ такъ дико и глухо,
Затѣмъ привезла,
Чтобъ дать интервью у великаго духа —
Ночного Козла.

[Изъ какой-то огромной глыбы, — при ближайшемъ разсмотрѣніи оказавшейся томомъ «Воскресшихъ боговъ»,—вылѣзаетъ Ночной Козелъ].

НОЧНОЙ КОЗЕЛЪ.

Тебѣ открою я изгибы
Писательской души,
А безъ меня ты тамъ ни зги бы
Не увидалъ... Пиши!

[Философъ приготовляется записывать, Ночной Козелъ диктуетъ].

Поэты всѣ ваши—жрецы черной мессы!
Недаромъ написаны Пушкинымъ «Бѣсы».
А Лермонтовъ юный... Подумай-ка,—кѣмъ онъ
Плѣнялся въ тѣ дни, какъ былъ созданъ имъ «Демонъ»?
Есть черти и въ басняхъ Крылова. А Гоголь?
Въ писаньяхъ его чертовщины не много-ль?
Куда ни взгляну,—чорта вижу вездѣ я...
Жуковскій—и тотъ воспѣвалъ Асмодея.
А чортъ (этотъ блещетъ ужъ ярче алмазовъ),
Съ которымъ знакомъ былъ Иванъ Карамазовъ?..
Взгляни же ты правдѣ въ глаза, какъ мужчина:
Вездѣ у васъ черти, во всемъ чертовщина.
Повсюду увидишь ты, окомъ провидца,
Иль чортовы рожки, иль хвостъ, иль копытца...

[Ночной Козелъ исчезаетъ].

ФИЛОСОФЪ [исполнившись восторженнаго изступленія].

О часъ суда!
О грозный часъ!
Правдивъ ты,—да,—
Козлиный гласъ!
И цѣль съ сихъ поръ
Моя свѣтла:
Пусть черти—соръ,
А я... метла!
Всѣхъ выместь вонъ,
Всѣхъ, всѣхъ за бортъ!
Искорененъ
Да будетъ чортъ!

[Въ разсѣянности беретъ забытую какою-то вѣдьмой метлу и въ раздумьи удаляется].

II.

Китайскія тѣни.

Сказочное представленіе.

Европа. Въ Европѣ кабинетъ. Въ кабинетѣ дипломатъ.

ДИПЛОМАТЪ [охорашиваясь передъ зеркаломъ].

Мы высшія созданія натуры.
Во-первыхъ,—выше всѣхъ мы въ смыслѣ политуры:
У насъ отъ кончика блестящихъ сапоговъ
До каждой фразы все покрыто лакомъ.
Разсчитано у насъ засимъ на сто шаговъ
Впередъ—гдѣ миру быть, гдѣ войнамъ или дракамъ.

И наконецъ всему даемъ мы тонъ:
Съ охотой или безъ охоты,
Но въ сущности весь міръ подъ наши пляшетъ ноты.

СЛУГА [вбѣгаетъ въ испугѣ].

Бѣда! Спасайтесь всѣ... На насъ летитъ драконъ...

ДИПЛОМАТЪ.

Драконъ? Какой драконъ? Не въ сказкѣ ль, не въ ле-
Про чудище сіе узналъ ты? [гендѣ ль

СЛУГА [въ сторону].

Вотъ такъ крендель!

[Вслухъ].

Скорѣе двери всѣ запремъ на болтъ,
Да спрячемся смирненько въ уголъ!
Мы разъ ужъ видѣли одно изъ этихъ пугалъ...
Онъ страшенъ, злобенъ, дикъ и съ виду желтъ.

ДИПЛОМАТЪ.

Желтъ, говоришь? Ну, такъ и есть, интриги
Сосѣдняго посла я узнаю.
Но проницательность я выкажу мою:
Я помню, писано объ этомъ въ «Желтой книгѣ».

СЛУГА.

Ну, право, бредите вы, сударь, на-яву!
Взгляните,—ужъ паритъ надъ нашей онъ твердыней,
Ужъ помрачилъ онъ неба синеву...

ДИПЛОМАТЪ

Ага! Посмотримъ, значитъ, въ «книгѣ Синей»...
Теперь же дай чернила и перо:

[Улыбается многозначительно].

Собрату нашему отвѣтимъ мы хитро.

СЛУГА.

Но намъ драконъ грозитъ!..

ДИПЛОМАТЪ.

Знай,—нѣтъ такихъ законовъ,
По коимъ бы могли мы бытіе драконовъ
Признать; все это сказки, миѳъ,
И не найдется въ цѣломъ свѣтѣ дивъ,
О коихъ не было бы въ папкахъ документа
Въ моемъ шкафу.

СЛУГА.

Но страшнаго момента
Вы развѣ ужъ не помните, когда
Дремали сладостно мы въ слѣпотѣ совиной,
И вдругъ на насъ обрушился лавиной
Такой точь-въ-точь драконъ? Грозила намъ бѣда...
Хотѣлъ насъ сокрушить, какъ ломъ каменоломню,
Живьемъ сожрать насъ всѣхъ сбирался онъ...

ДИПЛОМАТЪ.

Не помню!
Есть меморандумъ,—да, но въ немъ не то совсѣмъ.
[Роется въ дѣлахъ].
Вотъ дѣло «о карательныхъ прогулкахъ»,
Вотъ—«о насиліяхъ въ пекинскихъ переулкахъ»,
А вотъ—«о миссіяхъ разрушенныхъ»... [Задумывается]
Но кѣмъ?
Не имъ ли? Что жъ! Тогда судилъ ему такъ фатумъ:
Сейчасъ пошлю ему я грозный ультиматумъ,—
Пускай дрожитъ ничтожнѣйшая тварь!
Какой сегодня день? Подай-ка календарь...

СЛУГА.

Да день-то, видно, нашъ послѣдній.

ДИПЛОМАТЪ.

Но чѣмъ, скажи, ты такъ смущенъ?

СЛУГА.

Лишь тѣмъ, что изъ-за вашихъ бредней
Сейчасъ я буду поглощенъ
Ужасной гадиной—такою вонъ, какъ та тамъ...

[Указываетъ въ окно; въ это мгновеніе врывается драконъ и схватываетъ въ пасть дипломата].

ДИПЛОМАТЪ.

Но это вѣдь въ противность всѣмъ трактатамъ!

[Драконъ проглатываетъ сначала дипломата, потомъ кабинетъ, потомъ Европу].

III.

Горизонты.

Фантастическое представленіе.

[Дѣйствіе происходитъ въ читательской головѣ. Виднѣется горизонтъ экономическій; на немъ восходитъ свѣтило, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывающееся аграріемъ].

АГРАРІЙ.

Я выше всѣхъ двуногихъ тварей,
Я—пышный юнкерства бутонъ.
Извѣстный я пѣвецъ минорныхъ арій,

Хотя въ нихъ слышится порой мажорный тонъ...
Короче я аграрій!
Побѣду новую хочу занесть свою
На видномъ мѣстѣ я исторіи анналовъ...

КАНЦЛЕРЪ [подходя робко].

Скажите мнѣ, а какъ насчетъ каналовъ?

АГРАРІЙ.

Изъ нихъ одинъ я только признаю,
Тотъ, по которому текутъ ко мнѣ доходы,
И ежели широкъ не будетъ тотъ каналъ,
Напрасны ваши всѣ подходы,
Поддержки отъ меня не ждите...

КАНЦЛЕРЪ [съ отчаяніемъ].

Доканалъ!

[Экономическій горизонтъ заволакивается; открывается горизонтъ политическій].

МИХЕЛЬ [распѣваетъ съ добродушнымъ видомъ].

Я для друга Іонатана
Радъ полезенъ быть во всемъ;
Будь, къ примѣру, онъ сметана,
Я,—я сталъ бы карасемъ.
Преданъ я ему безъ лести,
Чувствъ моихъ къ нему не счесть
И изжариться съ нимъ вмѣстѣ
Счелъ бы я, клянусь, за честь.
Но... какъ люди безтолковы,
Ахъ, какъ злы они, бѣда!
Говорятъ, что Михель ковы
Строилъ другу иногда.

Если что и было впрочемъ,
Что жъ... другимъ подъ-ножку давъ,
Добродушно мы хохочемъ:
Ужъ таковъ нѣмецкій нравъ!
Въ тайныхъ козняхъ, въ фразъ шумихѣ ль
Мы хранимъ невинный видъ,
И не помнитъ добрый Михель
Нанесенныхъ имъ обидъ...

[Протягиваетъ черезъ океанъ руку брату Іонатану; на другой сторонѣ океана зажигаются бенгальскіе огни].

ХОРЪ НАРОДОВЪ [въ ужасѣ].

Дрожитъ въ насъ каждый атомъ,
Міръ страхомъ обуянъ!..
Что это за рука тамъ,
Рука чрезъ океанъ?

ХОРЪ ОСТРОВОВЪ [въ еще большемъ ужасѣ].

Увы! Конецъ покою!..
Въ чей будемъ мы карманъ
Захвачены рукою,
Рукой чрезъ океанъ?

[Туманъ; горизонтъ политическій исчезаетъ, виденъ горизонтъ военный].

ПОЛКОВОДЕЦЪ [раскачиваетъ руками такъ, какъ бы держитъ въ нихъ младенца, и поетъ колыбельную пѣсню].

Спи, мы сонъ твой нѣжимъ,—
Агнца сонъ невиннаго...
Вѣрь, враговъ прирѣжемъ
Всѣхъ мы до единаго.
Кончится съ той бойней
Время испытанія...
Спи же, спи спокойнѣй,
Спи, моя Британія!

Если жъ мы, слабѣя,
Кончимъ пораженіемъ,
Донесу тебѣ я
Тотчасъ... «съ сожалѣніемъ»
Спи—и жди депешу!..
Баюшки-баю-баю...
Я тебя утѣшу
Новою Маюбою!

[Снова горизонтъ политическій; концертный залъ; настраиваются инструменты; участники и участницы концерта переговариваются].

ОДИНЪ ИЗЪ УЧАСТНИКОВЪ.

Вы въ чемъ? Въ тріо? А я такъ въ дуэтѣ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Мы участвуемъ по-просту въ хорѣ.

[Указывая на пышно одѣтую даму, сидящую одиноко за ширмой].

Эта лэди такъ держится въ свѣтѣ,
Точно хочетъ со всѣми быть въ ссорѣ,
И на всѣхъ насъ презрительно-гордо
Смотритъ взоромъ она леденящимъ.

ЛЭДИ.

Пребывать я намѣрена твердо
Въ одиночествѣ самомъ блестящемъ.
Всѣ здѣсь неучи вы, всѣ медвѣди!
Одиночество—это кумиръ мой!

ГОЛОСА.

А! Такъ вотъ для чего вы, милэди,
За японскою спрятались ширмой!

[Все спутывается и изъ-за тумана никакихъ горизонтовъ болѣе не видать].

IV.

Музей рѣдкостей.

[Дѣйствіе происходитъ въ XXV вѣкѣ; будущій Барнумъ водитъ будущаго посѣтителя по музею].

БАРНУМЪ.

Здѣсь все реликвіи, рѣдчайшія все штучки,
Остатки невозвратной старины.
Вотъ здѣсь вы видите...

ПОСѢТИТЕЛЬ.

Что это за колючки?

БАРНУМЪ.

Пріемъ гуманнаго веденія войны.
Хоть у людей есть множество сноровокъ,
Чтобы стирать враговъ своихъ съ лица земли,
Но ничего придумать не могли
Гуманнѣй англійскихъ колючихъ мышеловокъ.
Притомъ же способъ этотъ простъ и скоръ:
Ни битвъ не надобно, ни за врагомъ погони:
Вкругъ вражеской страны соорудивъ заборъ,
Все суживать должны вы кругъ—и, какъ въ загонѣ,
Противникъ будетъ вашъ...

ПОСѢТИТЕЛЬ.

А эта голова
Афганская и мулъ—что значатъ?

БАРНУМЪ.

Двѣ фигуры
Изъ воска, съ надписью: «Единственные два
Союзника, какихъ въ войнѣ имѣли буры».

ПОСѢТИТЕЛЬ.

Да помнится, назадъ тому ужъ съ пять вѣковъ
Такой народецъ былъ, боролся за свободу...
Однако многіе помочь тому народу
Сбирались и спасти сулили отъ оковъ.

БАРНУМЪ.

Но, несмотря на всѣ посулы,
Имъ помощь дважды лишь оказана была.
Одинъ разъ ихъ спасли взбѣсившіеся мулы,
Въ другой—отвлекъ враговъ ихъ «бѣшеный мулла».

ПОСѢТИТЕЛЬ.

Я вижу банки тамъ или стаканы,
И, лапки вверхъ поднявъ, валяются въ пыли
Въ нихъ свѣтло-рыжіе большіе тараканы.

БАРНУМЪ.

Такихъ нигдѣ бы вы ужъ больше не нашли.
Какой для насъ урокъ—видъ насѣкомыхъ,
Безумной жадностью къ погибели влекомыхъ!
Ну, словомъ, эта пыль — персидскій порошокъ,
А тараканы—прусаки; когда-то
Не понутру имъ этотъ былъ душокъ
И если пылью той персидскою ихъ брата
Травили,—онъ, поднявъ сердито усъ,
Спасался отъ нея allegro-udirato.
Но какъ-то невзначай вошелъ онъ вдругъ во вкусъ;

Съ тѣхъ поръ былъ зелью радъ онъ, какъ приманкѣ,
Покамѣстъ наконецъ не очутился въ банкѣ
Съ персидскимъ порошкомъ.
Сперва полѣзъ одинъ, за нимъ жена, тамъ братцы,
А дальше поплелись всѣ чады, домочадцы,
По морю, по суху, въ повозкахъ и пѣшкомъ.
Все растащить, забравъ хотя бы по охапкѣ,
Они мечтали чуть не вслухъ,
Но всѣ свои здѣсь протянули лапки,—
Такъ былъ погибеленъ для нихъ персидскій духъ.

ПОСѢТИТЕЛЬ.

А это что за чудище огромно?
По виду—пушка.

БАРНУМЪ.

Да. Гласитъ преданье темно
Китайское, что встарь чудесный былъ стрѣлокъ,
Огромный великанъ фон-Валь-деръ-зе-е;
Носилъ онъ пушку эту, какъ брелокъ,—
У насъ она едва вмѣщается въ музеѣ.

ПОСѢТИТЕЛЬ.

Скажите мнѣ теперь, зачѣмъ здѣсь этотъ прутъ?

БАРНУМЪ.

У насъ онъ значится, какъ «врешенская розга»,
И увѣряютъ, коль не врутъ,
Что для младенческаго мозга
Была незамѣнима та лоза.
Надъ кѣмъ она носилася со свистомъ,
Тотъ сразу дѣлался отличнѣйшимъ лингвистомъ,
Хотя бы ранѣе не смыслилъ ни аза.

Онъ духомъ становился кротче
И «Vater» говорилъ онъ вмѣсто «отче»...
Вотъ было каково ея вліянье!

ПОСѢТИТЕЛЬ.

А!

[Проходятъ въ слѣдующее отдѣленіе].

V

Спортсмены.

[Дѣйствіе въ пространствѣ. Клубъ спортсменовъ; присутствуютъ представители разныхъ видовъ спорта: циклисты, мотористы, яхтъ-клубисты, аэронавты, атлеты и проч.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ [показываетъ собранію нарочито для сего случая сдѣланное изображеніе изможденнаго юноши].

Вотъ вырожденья вамъ продуктъ!
Въ двѣнадцать лѣтъ изсякъ ужъ силъ источникъ,
Которыя таилъ въ себѣ сей хилый фруктъ,
Къ пятнадцати—искривленъ позвоночникъ,
А въ двадцать лѣтъ—ужъ сѣдина!..
Но на землѣ заведена
Недаромъ поколѣній смѣна:
Какъ воду влить легко въ графинъ,
Такъ просто было въ каждаго спортсмена
Внѣдрить намъ Спарты духъ или Аѳинъ,—
И на площадкахъ нашихъ трэковъ
Вновь міръ воскресъ античныхъ грековъ.
Итакъ, воспрянемъ же! Долой сомнѣнья ядъ!
[Со скромнымъ достоинствомъ]
А впрочемъ я прошу всѣхъ высказать свой взглядъ.

ЦИКЛИСТЪ БЛЯХА 110701 [въ сторону, производя при этомъ вращательныя движенія ногами].

Клянусь богами,
Мнѣ кажется та просьба пустякомъ,
И легче мнѣ болтать ногами,
Чѣмъ языкомъ.

ЦИКЛИСТЪ БЛЯХА 254512.

Позвольте-съ! Передъ тѣмъ колѣнцемъ,
Какимъ иной изъ насъ быть можетъ гордъ,
Ну, право, грекъ любой покажется младенцемъ.
[скромно]
Вотъ, скажемъ, хоть бы я—побилъ рекордъ
Отъ Кишинева до Херсона...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ [съ восхищеніемъ].

Такъ молодъ...

ЦИКЛИСТЪ БЛЯХА 110701 [съ завистью].

И уже «персона»!

МОТОРИСТЪ ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ.

А былъ ли въ древности извѣстенъ нашъ моторъ?
Мнѣ дайте, напримѣръ, запасъ бензина,—
Тогда меня ищи гдѣ хочетъ кредиторъ!
Онъ шаритъ здѣсь, а я ужъ у Тянь-Цзина,
Мой слѣдъ простылъ... Вотъ онъ—автомобиль!

МОТОРИСТЪ СЕРЬЕЗНЫЙ.

Автомобиль есть вещь, а прочее все гиль.

АЭРОНАВТЪ [запальчиво].

Вамъ первенство давать съ какой мы станемъ стати?
Съ машиной вашей вы куда бъ ни занеслись,—

Зато взлетѣть свободно въ высь
Мы только можемъ на аэростатѣ.

МОТОРИСТЪ ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ.

И кувырнуться съ тѣхъ высотъ...

АЭРОНАВТЪ.

Да... если неисправенъ клапанъ...
Пожалуй будешь тутъ... помятъ и поцарапанъ...

ЯХТЪ-КЛУБИСТЪ.

И тысячъ я бъ не взялъ двухсотъ,
Чтобъ вверхъ летѣть... То-ль дѣло парусъ!
Блеститъ вокругъ все море какъ стеклярусъ,
Ты смѣло направляешь руль...
Уже все скрылось, кромѣ небосклона,
Но ты безтрепетно морское рѣжешь лоно...

АЭРОНАВТЪ.

А вдругъ ко дну—и «буль, буль, буль»?...

АТЛЕТЪ [заносчиво].

У васъ у всѣхъ духъ эллинскій поддѣленъ.
Одинъ лишь здѣсь есть настоящій эллинъ,
И это я—атлетъ!
Взгляните, какъ я ловко скроенъ:
Хоть обыщите весь балетъ,—
Вы не найдете, кто бы былъ такъ строенъ.
[Циклисту].
Ну, право, ты смѣшишь меня до слезъ...
Ты эллиномъ слыть хочешь,—вотъ нелѣпость!
Какъ призрачна и мощь твоя, и крѣпость...

Что значишь ты безъ двухъ колесъ?
И что колеса значатъ безъ резины?
[Мотористу].
Тебѣ нужны то спирты, то бензины,—
Безъ нихъ же ты безсиленъ сдѣлать шагъ...
[Аэронавту].
Кичишься ты, взлетѣвъ на сотни метровъ,—
Но тамъ, по воздуху, болтаешься какъ флагъ
По волѣ вѣтровъ...
[Яхтъ-клубисту].
Какія жъ показать ты можешь чудеса?
Надутъ не хуже ты, чѣмъ паруса,—
Но какъ тряпье, такъ дряблъ твой мускулъ,
Не сокрушитъ онъ никому скулъ!
А мой—какъ будто изъ кремня...
Ну, словомъ, не достойны всѣ ремня
Вы развязать моихъ сандалій.
[Страшный шумъ].

ЦИКЛИСТЪ БЛЯХА 254512.

Я... я имѣю семь медалей!..

МОТОРИСТЪ СЕРЬЕЗНЫЙ.

На гонкахъ взялъ я первый призъ!

ЯХТЪ-КЛУБИСТЪ.

По мѣсяцамъ не зналъ я, что такое берегъ!

АЭРОНАВТЪ.

А сколько разъ я кувыркался внизъ...
[Со всѣхъ сторонъ всхлипыванья, стоны].

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ [въ отчаяніи].

О Боже! Мѣстомъ сталъ истерикъ
Нашъ клубъ, гдѣ идеально быть здоровъ
Быть долженъ каждый...

[Общее возбужденіе усиливается].

ЯХТЪ-КЛУБИСТЪ [шатаясь].

Дурно... дурно...

АТЛЕТЪ [хватаясь за грудь].

Кровь прилила мнѣ къ сердцу бурно.

[Со всѣхъ сторонъ возгласы].

— Ой, нервы!.. Бокъ!.. Печенка!..

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ [кричитъ не своимъ голосомъ].

Докторовъ!..

VI.

Въ ожиданіи юбилея.

Засѣданіе въ «Большомъ Московскомъ» трактирѣ. Вокругъ стола, уставленнаго водками и закусками, собрались представители прессы; одинъ—убѣленный сѣдинами, другой—упитанный, третій—какъ будто изъ ученыхъ и др.

УБѢЛЕННЫЙ.

Ухи и растегаевъ!

УПИТАННЫЙ

Мнѣ селянки.

КАКЪ БУДТО ИЗЪ УЧЕНЫХЪ.

Друзья! отложимъ мысли о ѣдѣ
И будемъ предпріимчивы, какъ янки.
У насъ вопросъ важнѣйшій на чредѣ:
　　Мы собрались келейно,
Чтобы рѣшить, кого почтить намъ юбилейно
Въ тотъ день, который праздновать печать
Готовится... Сей день,—день двухсотлѣтья
Россійской прессы.

УПИТАННЫЙ [выпивъ рюмку водки].

Уфъ!

СТРОГІЙ

Оставьте междометья!

УБѢЛЕННЫЙ.

Мнѣ кажется, что здѣсь должны мы отличать
Себя отъ питерскихъ.

ЕДВА ЛИ НЕ... САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Питеръ? Онъ изъ чухонъ.
И развѣ понимать россійскій можетъ духъ онъ.

УПИТАННЫЙ.

Тамъ все въ обрѣзъ,—у насъ не такъ!
Гдѣ мы на рубль,—они пьютъ на пятакъ,
　　Ѣдятъ—и то не сытно.

ЕДВА ЛИ НЕ... САМОЗВАНЕЦЪ.

У нихъ чужое все,—у насъ же самобытно
Все до послѣдняго кремлевскаго зубца.

КАКЪ БУДТО ИЗЪ УЧЕНЫХЪ.

Оставимъ словопреніе пустое...
Теперь спрошу,—на комъ стоитъ, какъ на устоѣ,
Вся пресса, и кого мы чтить должны?

ВСѢ [въ одинъ голосъ].

Купца!

УПИТАННЫЙ.

Такого ты, хоть всю объѣзди заграницу,
А не найдешь.

СТРОГІЙ

Намъ безъ него петля!
Онъ въ руки прямо намъ суетъ синицу,
А не сулитъ на небѣ журавля.

КАКЪ БУДТО ИЗЪ УЧЕНЫХЪ.

Такой купецъ еще нигдѣ не виданъ;
Онъ небомъ въ знакъ особой къ намъ любви данъ.
Да-съ! Онъ на штуку всякую гораздъ!
Сегодня на обѣдъ для бѣдняка полтинникъ
Онъ пожалѣлъ,—а завтра дастъ
Мильонъ на построенье клиникъ.
Завелъ и нервы онъ, и бромистый пьетъ натръ,
Имѣетъ собственный театръ,
Всѣ иностранныя онъ изучилъ нарѣчья
И, развернувшись широко,
Вдругъ въ тупикѣ Замоскворѣчья
Палаццо выстроитъ онъ въ стилѣ рококо;
Умѣетъ съ вдохновеньемъ ясновидца
Предвидѣть цѣны онъ и миткаля, и ситца,
Балуется шампанскимъ,—не чайкомъ,—
Въ петлицѣ орденскую носитъ онъ розетку

И ужъ почти всегда тайкомъ
Онъ субсидируетъ газетку...

МАСТИТЫЙ [входитъ съ мрачнымъ видомъ].

Простите,—опоздалъ я на часокъ.
Писалъ я, все писалъ... мозоль перо натерло.

УПИТАННЫЙ.

Закуски! Водочки!

МАСТИТЫЙ.

Ну, право, мнѣ кусокъ
Не лѣзетъ въ горло.
Не знаю, праздновать ли даже юбилей...
Ахъ, безпристрастный будущій историкъ
Пойметъ, какъ жребій мой былъ горекъ.
Повѣрьте, мужичка удѣлъ милѣй,
Чѣмъ мой, настолько же, насколько блескъ червонца
Пріятнѣй блеска мѣднаго гроша.

УПИТАННЫЙ.

Да чѣмъ же ваша жизнь не хороша?

МАСТИТЫЙ [со вздохомъ].

Мужикъ счастливецъ: онъ лишь отъ дождя до солнца
Зависитъ; землю онъ имѣетъ, вѣрный кровъ.
А мы... зависимъ мы отъ грозныхъ всѣхъ явленій:
Отъ войнъ... подписчиковъ... отъ разныхъ катастрофъ
И отъ... казенныхъ объявленій.
Онъ счастливъ—да! На сходѣ волостномъ
Онъ упивается, какъ хочетъ, алкоголемъ,
Мы-жъ на бульварѣ на Страстномъ

Все бодрствуемъ и истину глаголемъ.
Ну, что вы скажете?

УБѢЛЕННЫЙ [со слезой].

Да то же, что и вы...
Вездѣ опасности грозятъ намъ: хочешь рыбки
Ты поудить на берегу Москвы,—
Вдругъ видишь...

СТРОГІЙ [оглядывая окружающихъ].

Не у мѣста здѣсь улыбки!
[Съ сочувствіемъ обращается къ Убѣленному].
Опасно какъ въ лѣсахъ тамъ брынскихъ?

УБѢЛЕННЫЙ.

Ну, не столь,
Но все же надо брать и шашку, и пистоль.
[Увидѣвъ сидящаго въ углу младенца, со страхомъ].
Кто это?

УПИТАННЫЙ.

Декадентскій нашъ младенчикъ.
На, душка, пососи леденчикъ.
Ну, дѣточка, агу, агу, агу!..
Ты можешь позабавить дяденекъ?

МЛАДЕНЧИКЪ.

Могу!
[Мрачно читаетъ].
Весь я тигровой масти
И пантеровой страсти
Преисполнены фибры всѣ сердца.
Я ревнивѣе негра,
Страсть бушуетъ allergo,—
Мнѣ не сродно шутливое scherzo.

Съ сатанинскимъ проклятьемъ
Восклицалъ я собратьямъ,
Какъ мнѣ міръ ихъ и душенъ, и тѣсенъ...
Яду, петлѣ, ножу пѣлъ
Похвалу я—и «жупелъ»
Вдохновителемъ дивныхъ былъ пѣсенъ.

[По ошибкѣ заглянувшая въ полуоткрытую дверь купчиха при словѣ «жупелъ» падаетъ безъ чувствъ. Картина].

РОМАНИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ [1].

I.

О, дайте мнѣ трубу!
Возславить безъ обмана
Хочу скорѣй судьбу
Я русскаго романа.
Когда повсюду пѣтъ
Былъ «Голубочекъ сизой»,—
Тогда и онъ на свѣтъ
Явился съ «Бѣдной Лизой».
Плачевный издалъ крикъ
Онъ съ перваго же шагу
И извлекать привыкъ
Изъ глазъ съ тѣхъ поръ онъ влагу.
За «жертвой» вслѣдъ былъ данъ
Образчикъ намъ «злодѣя»—

[1] Авторъ оговаривается: правильнѣе было бы назвать сіе произвеніе «Исторія русскаго романа», названіе же «Романическая исторія» дано для завлеченія читателя, пренебрегающаго серьезными сюжетами. При этомъ авторъ кстати чистосердечно сознается, что онъ позавидовалъ лаврамъ г. Волынскаго, въ прошломъ году прочитавшаго лекцію о русскомъ романѣ въ Москвѣ, и г. Боборыкина, свершившаго то же въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ.

Самъ Выжигинъ Иванъ,
Достойный сынъ Ѳаддея.
Но вотъ въ романѣ кличъ
Раздался: «крови! крови!..»
Поэтъ, угрюмъ какъ сычъ
И мрачно хмуря брови,
Подъ скрежетъ челюстей
Пѣвцомъ сталъ привидѣній,
Невиданныхъ страстей,
Неслыханныхъ мученій.
Крикливъ рѣчей тѣхъ звонъ
Какъ голосъ былъ Петрушкинъ...
Взошло на небосклонъ
Тутъ наше солнце—Пушкинъ.
И, имъ озарена,
Россія вся нежданно
Узнала имена
«Онѣгинъ» и «Татьяна».
Куда свой взоръ ни кинь,
Повсюду, шарлатаня,
Десятки героинь
Тобой слыть жаждутъ, Таня.
Посланій пишутъ тьмы;
Онѣгина нотацій
Ждутъ вслѣдъ за симъ... но мы
Не любимъ имитацій.
Другого роста тѣ,
Слѣды въ нихъ видны грима...
Ты въ милой простотѣ
Для всѣхъ недостижима.
Холодный ко всему
Въ своемъ презрѣньѣ гордомъ,—
Онѣгинъ кой-кому

Казаться могъ «милордомъ»;
Хоть боленъ вообще
Притомъ онъ былъ «вельтшмерцемъ»,—
Въ Гарольдовомъ плащѣ
Былъ все-жъ онъ русскій сердцемъ.
Что-жъ! въ «ряженыхъ» игрой
Мы тѣшимся, какъ можемъ,
И не одинъ герой
Быть съ Чайльдъ-Гарольдомъ схожимъ
Изъ всѣхъ стремился силъ
Ну хоть бы по прическѣ...
Печоринъ самъ носилъ
Отъ Байрона обноски.
За этотъ грѣхъ ихъ всѣхъ
Судить должны мы строго-ль,
Въ слезахъ сквозь зримый смѣхъ
Намъ показалъ самъ Гоголь,
Что,—какъ на вербахъ грушъ,—
Въ Руси не встрѣтишь жизни
И что лишь «мертвыхъ душъ»
Довольно есть въ отчизнѣ.

II.

Ахъ, Западъ!... точно кладъ
Намъ дорогъ онъ... еще бы!
Тамъ пошаливъ, назадъ
Мы шли въ свои трущобы,
Подъ кровъ свой... Не таковъ
Былъ нашъ Иванъ Тургеневъ:
Весь вѣкъ средь чужаковъ,
Себя не обезцѣнивъ,

Онъ прожилъ, къ нимъ влекомъ
Какъ Финнъ къ своей Наинѣ...
Кто съ вами не знакомъ,
Родныя героини
Плѣнительно простыхъ
Тургеневскихъ романовъ?..
Все такъ эѳирно въ нихъ,
Какъ будто изъ тумановъ,
Изъ грезъ, видѣній сна
Ихъ сотканъ образъ нѣжный...
Но тамъ, гдѣ страсть нужна,
Кипѣлъ ихъ духъ мятежный
Ихъ влекъ хоть на убой,
Горѣлъ у нихъ какъ жаръ ликъ...
Мужчина былъ любой
Предъ ними просто карликъ!
Могли-бъ,—будь мы смѣлѣй,—
Идти мы съ ними въ парѣ,
Но были насъ милѣй
Имъ смуглые болгаре.
Огонь изъ глазъ меча,
Оружьемъ тѣ бряцали,
А мы... а мы съ плеча
Все только отрицали.
Нашъ отрицанья духъ
Исчерпывался вотъ чѣмъ:
Все то ругая вслухъ,
Что было въ домѣ отчемъ,
Искать,—за «Kraft und Stoff»
Плетясь на побѣгушкахъ,—
Основу всѣхъ основъ
Въ распластанныхъ лягушкахъ.
Ахъ, все свести на «нѣтъ»

Легко, но въ этомъ прокъ ли?
Явился новый въ свѣтъ
Герой—и тѣ поблекли.
У тѣхъ ни то, ни се,—
Здѣсь полная нирвана
И отрицалъ онъ все,
Все... кромѣ лишь дивана.
Къ чему нужны дѣла?
Къ чему бѣлье,—есть кожа!
Тому лишь жизнь мила,
Кто жить умѣетъ лежа.
И разразись надъ нимъ
Небесныхъ сотни громовъ,—
Остался-бъ недвижимъ
Илья Ильичъ Обломовъ.
Показывать же прыть
Всегда есть добровольцы:
Творить за насъ, любить—
Все могутъ нѣмцы Штольцы.
Теперь мы перейдемъ
Къ тому отъ праздныхъ, сытыхъ,
Кто пѣлъ про «мертвый домъ»,
Кто былъ пѣвцомъ забитыхъ.
Да, къ нимъ сильнѣй всего
Онъ чувствовалъ влеченье...
Герои всѣ его
Изъ «правилъ» «исключенья»,—
Какъ имена на is
(Увы, я лишь canalis
Здѣсь помню... panis... glis...
И—finis!..). Насъ анализъ
Тѣхъ странныхъ душъ увлекъ:
Подъ маской «идіотовъ»

Горѣлъ въ васъ огонекъ
Божественный... Разсчетовъ
Житейскихъ всѣхъ чужды,
Въ тотъ вѣкъ, что намъ бездымный
Далъ порохъ, въ вѣкъ вражды,
Любви вы пѣли гимны.

III.

Но что же здѣсь о томъ
Сказать, кто не чета намъ,
Кто духомъ и умомъ
Принадлежитъ къ титанамъ?
Есть выходъ—и простой:
Провозглашу лишь смѣло
Два слова: «Левъ Толстой»,—
И всѣ поймутъ, въ чемъ дѣло.
Ахъ, лѣтописца путь
Себѣ тяжелый выбравъ,
Я-бъ долженъ помянуть
Таланты всѣхъ калибровъ.
Но лучше не проси,
Читатель, сей синодикъ:
Плодятся на Руси
Таланты, что ни годикъ.
Итакъ, не говори-жъ,
Что бѣдны мы!.. Есть старецъ...
Онъ, ѣздя то въ Парижъ,
То въ Вѣну, то въ Біаррицъ,
Не только груды книгъ
Писалъ, о насъ радѣя,
Но даже такъ проникъ
Въ искусство лицедѣя,

Какъ будто завѣщалъ
Ему свои дары Кинъ...
Сей мужъ, что насъ прельщалъ,—
Самъ славный Боборыкинъ
(Отъ насъ къ Европѣ мостъ!).
Явилъ онъ неизмѣнность,
Ловить разъ въ годъ за хвостъ
Стараясь современность.
И, изловивъ «фасонъ»
Послѣдняго покроя,
Сейчасъ усердно онъ
Въ него рядилъ героя.
Какъ авторъ,—что ни годъ,
Герой бывалъ все старше:
Гусь, словомъ, былъ все тотъ,
Хотя при новомъ фаршѣ...
Но дальше по слѣдамъ
Писательскихъ успѣховъ
Пойду я—и воздамъ
Тебѣ хвалу, о Чеховъ!
Взглянувъ на русскій бытъ,
Ты усмѣхнулся кисло:
Тотъ пьетъ, тотъ неумытъ,
Надъ тѣмъ бѣда нависла...
Веселье—рѣдкій гость;
Умъ—тоже... Всюду дурость,
Уныніе и злость...
Ты хмурился—и хмурость
Представилась для всѣхъ
Образчикомъ «бонтона».
Какъ мебель «подъ орѣхъ»,
Такъ точно «подъ Антона»
Поддѣлывать свой стиль

Пытались беллетристы.
О, что за водевиль
Выходитъ, коль статисты,
Забывъ, что скромный хоръ—
Предѣлъ для ихъ карьеры,
Вдругъ тянутъ за вихоръ
Самихъ себя въ «премьеры».
Но, оперу задѣвъ,
Я вспомнилъ вдругъ о дамахъ.
И ихъ, и милыхъ дѣвъ,—
Насколько въ тѣсныхъ рамахъ
Исторіи моей
Доступно,—помяну я.
О томъ, какъ грустно «ей»,
Когда она, ревнуя
«Его» къ другой, въ слезахъ
Тоскуетъ о потерѣ
Любви его—и, ахъ!—
Томится въ адюльтерѣ,
Какъ полонъ нѣги «онъ»
Въ своемъ порывѣ страстномъ,—
Лишь дамскій легіонъ
Съ успѣхомъ передастъ намъ.
Я могъ бы кончить симъ,
Но нѣтъ! Судьбой самою
Ниспосланъ намъ Максимъ,
Что славенъ сталъ Ѳомою.
Не любящихъ оковъ,
Но жадныхъ до подачекъ
Безпечныхъ босяковъ
И пламенныхъ босячекъ
Онъ пѣлъ; онъ пѣлъ ихъ грязь,
Ихъ подвиги обмана...

Таковъ послѣдній князь
Россійскаго романа.
Затѣмъ ужъ въ наши дни
Пріѣхали «Андроны»
И заняли они
Пустующіе троны
И стали письмена
Плодить весьма негоже,
Ихъ всѣхъ же имена
Ты вѣдаешь лишь, Боже!

ЖИЗНЬ и ПОЭЗІЯ.

(Памяти Н. В. Гоголя).

Есть въ жизни мимолетная пора,
Когда все кажется такъ ново, такъ нежданно,
Событій ткань — затѣйливо-пестра
И чувствъ цвѣтникъ цвѣтетъ благоуханно.
Тогда и любимъ мы, и вѣримъ горячѣй...
Но свѣжесть отошла и потускнѣла вѣра,
Опутала насъ тина мелочей,—
Все стало сумрачно и сѣро...
Глазъ приглядѣлся ко всему,
Ничто не говоритъ ни чувству, ни уму;
Печально тянется безцвѣтный
Рядъ длинныхъ-длинныхъ дней, рядъ скучныхъ-скучныхъ лицъ,
И морю пошлости нѣтъ, кажется, границъ...
Но вотъ откуда-то,—сперва едва замѣтный,—
Прорвался лучъ... вотъ ярче сталъ...
Здѣсь чье-то освѣтилъ лицо, потомъ другое,
Тамъ на одеждѣ чьей-то заигралъ...
Ужели это то знакомое, родное,
Съ чѣмъ ты давно уже сжился?
Преображенная поэтомъ,

Передъ тобою жизнь проходитъ вся,—
Озарена отвсюду новымъ свѣтомъ,
Согрѣтая таинственнымъ огнемъ!
Да, это то же все, что знаемъ мы, но въ немъ
Значенье новое намъ чудится невольно...
Вотъ встрѣтился намъ въ жизни нѣкто... Намъ до-
вольно
И двухъ-трехъ разъ, чтобы постичь,
Какъ онъ и скученъ, и несносенъ...
Но это вѣдь Иванъ Кузьмичъ,—
Самъ безподобный Подколесинъ,
Который, экспедиторомъ служа,
Усовершенствовалъ такъ часть свою отлично,
Но предъ женитьбою, увы, сбѣжалъ, дрожа,
Лишь потому, что было непривычно
Жениться чудаку... А вотъ другой...
Вранья и хвастовства его примѣровъ
Не стали бы мы слушать... но такой
Извѣстенъ намъ, точь-въ-точь, къ кому однихъ ку-
рьеровъ
Такъ тысячъ съ тридцать пять со всѣхъ сторонъ
Стеклось, чтобъ управлять скорѣе онъ
Шелъ департаментомъ... Ну, какъ же мимо
Теперь пройти?.. Вотъ двѣ особы; жизни всей
Ихъ цѣль—сбирать неутомимо
Какъ можно больше сплетенъ и вѣстей.
О, какъ скучны онѣ! Куда мы
Отъ нихъ уйдемъ? Вдругъ—мысль: «Ба! Эти дамы...
Ну, да... вотъ эта—въ отношеньяхъ всѣхъ,
А эта—просто лишь пріятная»... Ихъ рѣчи
Теперь въ насъ бодрый будятъ смѣхъ
И отошло унынiе далече:
Его коснулась юмора струя...

Случается, досаду затая,—
Когда стряслась бѣда надъ нами,—
Мы вдругъ утѣшимся, подумавъ: «Вотъ те на!
Вѣдь это высѣкли себя мы сами,
Какъ унтеръ-офицерская жена»...
А если, объ учености радѣя,
Вдругъ не по разуму мы обнаружимъ прыть,—
Что-жъ! значитъ, шишку удалось открыть
Подъ носомъ у алжирскаго намъ бея...
И блещутъ юмора крылатыя слова
Средь нашихъ дѣлъ вседневныхъ и дѣлишекъ,
Какъ огоньки... Печальна и мертва
Была бы жизнь безъ этихъ яркихъ вспышекъ.
О, смѣхъ—чудесный Божій даръ!
Ты вѣчно юнъ, хотя какъ міръ ты старъ.
Ты, въ жизни темныя явленья
Намъ освѣщая,—чувство примиренья
Въ насъ пробуждаешь, а не злость,
О, смѣхъ, желанный гость!

У ПАМЯТНИКА ДѢДУШКИ КРЫЛОВА.

Представлено на сценѣ Василеостровскаго театра въ день пятидесятилѣтія со дня смерти Крылова.

Площадка въ Лѣтнемъ саду около памятника дѣдушки Крылова.

СТОРОЖЪ.

Почистить да прибрать... Ишъ грязно какъ! бѣда...
Порядку-то и нѣтъ... А баютъ,
Что нонѣ разные такіе господа,
Что, значитъ, дѣдушку отмѣнно почитаютъ,
Сюда сберутся на поклонъ.
Былъ старичокъ-то, вишь, уменъ:
Полсотни лѣтъ прошло, какъ умеръ,—а другого
Доселѣ не найдутъ, слышь, дѣдушки Крылова.

[Подметаетъ около памятника и уходитъ. Входятъ Поэтъ и Критикъ].

ПОЭТЪ.

Раненько мы пришли... Не видно никого...

КРИТИКЪ.

А вы—покамѣстъ что,—экспромптикъ бы... того...

(Показываетъ видъ, что пишетъ).

ПОЭТЪ [сухо].

Я никогда ихъ не пишу заранѣ. [Въ сторону].
Онъ у меня лежитъ недѣли двѣ въ карманѣ.

КРИТИКЪ [смотритъ на памятникъ].

Старикъ-то—какъ живой!

ПОЭТЪ.

Поди, начнетъ онъ скоро
Намъ головой кивать не хуже командора.

КРИТИКЪ.

А ну, какъ онъ со мной
Сейчасъ заговоритъ...

ПОЭТЪ.

Ну, что-жъ за диво?
Вѣдь въ басняхъ у него какія чудеса:
Тамъ держитъ рѣчь и волкъ, и щука, и лиса,
И камни говорятъ подчасъ краснорѣчиво;
Такъ отчего жъ бы онъ намъ слово не сказалъ?
Вѣдь сколько лѣтъ уже сидитъ онъ молчаливо...

[Уходятъ въ боковую аллею].

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ [послѣ нѣкотораго молчанія начинаетъ кивать головой, потомъ говоритъ].

И впрямь, долгонько я молчалъ,—
Они, пожалуй, правы,—
Да только что сказать мнѣ, старику?
Хоть многое видалъ я на своемъ вѣку,
Но свѣтъ теперь иной, иные нравы...
Не знаю новыхъ я людскихъ затѣй,

Привыкъ я жить среди дѣтей,
А взрослаго почти не вижу человѣка...
Навѣрно столько новыхъ словъ
Наговорили люди за полвѣка,
Что уже старъ для нихъ сталъ дѣдушка Крыловъ...
[Входятъ Особа и Молодой человѣкъ].

ОСОБА.

Такъ вы прочли мои соображенья?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Прочелъ-съ... прочелъ!.. какая глубина!
Какая мѣткость въ нихъ видна!
И какъ логичны всѣ сужденья!.. [Вкрадчиво].
Я слышалъ, что отъ васъ уходитъ Черенковъ...

ОСОБА.

Да,—онъ и старъ, и безтолковъ...
На это мѣсто есть четыре кандидата,
Ну, и еще жена устроить проситъ брата...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Надѣюсь, вы не примете за лесть,
Но я скажу,—у васъ служить такая честь...
Кто оцѣнилъ, какъ я, всѣ ваши дарованья...

ОСОБА.

Да, да... въ васъ есть... въ васъ что-то есть...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Есть лишь одно—желанье
Послушно принимать всѣ ваши указанья
И имъ послушно слѣдовать вовѣкъ...

ОСОБА.

Вотъ именно такой мнѣ нуженъ человѣкъ!
Зайдите-ка ко мнѣ сегодня на квартиру...
Вы молоды еще,—но это не порокъ...

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ [какъ бы про себя].

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна, но только все не впрокъ..
[Особа подаетъ молодому человѣку руку и уходитъ въ боковую аллею].

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ [одинъ].

Ну, кажется обдѣлалъ я дѣлишко,
А то не могъ я приложить ума,
Что дѣлать мнѣ: въ карманѣ нѣтъ излишка,
    А кредиторовъ тьма.
Ужъ надоѣло всѣмъ показывать мнѣ двери—
    Покоя нѣтъ ни на часокъ.
Хоть здѣсь я отдохну, отъ нихъ, по крайней мѣрѣ...
[Показывается «Бдагодѣтель рода человѣческаго»].

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Ага! вы также здѣсь! А что же мой должокъ?
Процентики-то вамъ платить, кажись бы, срокъ.
Давно хотѣлъ я съ вами повстрѣчаться.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, да... но я ужъ вамъ такъ много задолжалъ,
А у меня сейчасъ весь капиталъ,—
Всего одинъ лишь рубль,—не стоитъ вамъ мараться...

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

И больше есть, я чай...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Не вѣрите? Смотрите...

[Выворачиваетъ карманъ и достаетъ рубль].

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Вотъ дѣло-то какое! Ай-ай-ай!
Такъ значитъ, послѣ отдадите?.. [Вздохнувъ]
Ну, а покуда что,—давайте рупъ...

[Молодой человѣкъ съ грустью протягиваетъ деньги. Благодѣтель прячетъ ихъ въ карманъ. Расходятся въ разныя стороны].

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Попался какъ ворона въ супъ!

[Входятъ съ противуположныхъ сторонъ двѣ дамы],

1-Я ДАМА.

Вотъ встрѣча-то! Анетъ! Сто лѣтъ мы не видались...
Какъ измѣнились вы...

2-Я ДАМА.

Я замужемъ, ma chère...

1-Я ДАМА.

Mes compliments!.. Пора! вы долго не рѣшались...
Скажите, кто-жъ вашъ мужъ? Тотъ, вѣрно, инженеръ?..

2-Я ДАМА.

Такой молокососъ!..

1-Я ДАМА.

Ну, знаю я: полковникъ...

2-Я ДАМА.

Ахъ, что вы! Онъ такъ толстъ!..

1-Я ДАМА.

Такъ кто же? Тотъ чиновникъ?..

2-Я ДАМА.

Что толку въ старикѣ?
Въ своемъ кудрявомъ парикѣ
Онъ такъ смѣшонъ...

1-Я ДАМА.

Неужто-жъ вашъ учитель?..

2-Я ДАМА.

Ну, вотъ! Онъ былъ всегда одѣтъ мѣшкомъ
И бѣгалъ все за мною пѣтушкомъ...

1-Я ДАМА.

Но, наконецъ, ma chère, сказать мнѣ не хотите-ль,
Кто онъ, вашъ мужъ?

2-Я ДАМА [вздохнувъ].

Ахъ, какъ онъ боленъ!

1-Я ДАМА.

Но, кто онъ?

2-Я ДАМА.

У него не видитъ правый глазъ.
А какъ отъ ревматизма онъ страдаетъ...
При томъ бѣдняжечка еще слегка хромаетъ...

Я только что ему читала цѣлый часъ,—
Ужъ какъ онъ былъ доволенъ!

I-я ДАМА.

Да кто же, кто же онъ?—понять я не могла?

2-я ДАМА [посмотрѣвъ на часы].

Ахъ! за лекарствомъ мнѣ пора бѣжать въ аптеку...
[Прощается и уходитъ].

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

И рада-рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.
[Два Адвоката].

АДВОКАТЪ ПОСТАРШЕ.

Такъ вы таки взялись за тотъ процессъ?

АДВОКАТЪ ПОМОЛОЖЕ.

О, да! какое же сомнѣнье?

АДВОКАТЪ ПОСТАРШЕ.

Но это дѣло—темный лѣсъ,
Тамъ что ни шагъ—то правды извращенье!

АДВОКАТЪ ПОМОЛОЖЕ.

Да, да... я иногда и самъ pour la bonne bouche
Употребляю эти выраженья—
О правдѣ, о добрy служеньи...
Но, entre nous, mon cher, одно лишь важно—«кушъ»,—
А черно или бѣло,
Что намъ за дѣло?

Вся суть, чтобы и такъ, и этакъ гнуть законъ,—
И намъ противникъ все до грошика заплотитъ.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

И всякаго,—кого ни встрѣтитъ онъ,
Сейчасъ засудитъ и проглотитъ.
[Благодѣтель подходитъ къ Адвокату помоложе].

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Съ моимъ почтеніемъ-съ! А я, признаться, васъ
Все поджидалъ намедни дома...

АДВОКАТЪ ПОМОЛОЖЕ [старому].

Pardon, милѣйшій другъ! Дѣла-съ!
[Адвокатъ постарше отходитъ въ сторону].

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Вамъ наше дѣло-то знакомо,—
Такъ вотъ какая тутъ статья:
Повѣренный-то ихъ пускаетъ вишь туману,
Что будто документъ былъ данъ не безъ обману...

АДВОКАТЪ ПОМОЛОЖЕ.

Ну, это что! Галиматья!
[Благодѣтель шепчетъ что-то на ухо Адвокату, потомъ говоритъ громко].

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Родимый, выручай,—ужъ ежели уважишь,
Я раскошелюсь, честью—честь...

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Ну, какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть...
[Адвокатъ и Благодѣтель теряются въ толпѣ].

[Двѣ дѣвушки, Простенькая и Нарядная].

ПРОСТЕНЬКАЯ ДѢВУШКА.

Ишь на тебѣ какой нарядъ затѣйный...

НАРЯДНАЯ ДѢВУШКА.

Я на тебя теперь и не взгляну,
Теперь ужъ я не то, что въ старину,—
Забудь, что вмѣстѣ мы сидѣли въ бѣлошвейной.

ПРОСТЕНЬКАЯ ДѢВУШКА.

Такъ что-жъ ты, барыня, аль что?

НАРЯДНАЯ ДѢВУШКА.

Да, ужъ, конечно, не мужичка...

ОСОБА [надѣваетъ пенснэ и разсматриваетъ нарядную дѣвушку].

А прехорошенькая птичка!

НАРЯДНАЯ ДѢВУШКА.

Ты видишь, на шелку мое пальто!
И шляпка, что на мнѣ, послѣдняго фасона,—
Такъ ты теперь ко мнѣ не подходи.

ПРОСТЕНЬКАЯ ДѢВУШКА.

Ужъ кланяться тебѣ не буду я, не жди... [поворачивается отъ нея и уходитъ въ другую сторону].

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона!

[Нарядная дѣвушка садится на скамью, Особа вертится около нея].

ОСОБА.

Прелестна! У нея немножко смѣлый тонъ,
Но въ сущности премиленькій бутонъ...
Такъ и пахнуло на меня весною...
А ну, тряхнемъ-ка стариною... [Обращаясь къ дѣвушкѣ].
Могу имѣть я честь
Здѣсь съ вами рядышкомъ, красавица, присѣсть?

НАРЯДНАЯ ДѢВУШКА.

А что съ такимъ мнѣ дѣлать старикашкой?
Салфеточку вамъ подвязать,
Да покормить васъ манной кашкой?

ОСОБА [про себя, отходя].

Да,—если разобрать,—
Ей до красавицы далеко...
Кто знаетъ въ этомъ толкъ, сейчасъ пойметъ...

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Хоть видитъ око,—
Да зубъ нейметъ.

[Молодой адвокатъ подходитъ къ дѣвушкѣ и садится рядомъ].

АДВОКАТЪ.

Мы кажется немножечко знакомы?

НАРЯДНАЯ ДѢВУШКА.

Не въ тѣ хоромы
Вы залетѣли, вижу я...

АДВОКАТЪ.

Ну, полно, милочка моя!
Неужто вы не любите веселья?
Вѣдь вмѣстѣ веселѣй, чѣмъ одному...

НАРЯДНАЯ ДѢВУШКА.

А самъ небось женатъ... Смотри, какое зелье!
Ну, такъ и есть,—съ кольцомъ...

АДВОКАТЪ.

Что-жъ,—я его сниму [въ сторону].
Тьфу! тетка! Вотъ сюрпризъ... Она еще способна
Устроить мнѣ скандалъ...

ПОЖИЛАЯ ДАМА [подходитъ].

Чудесно! безподобно!..
Ну, какъ не стыдно вамъ,—у васъ вѣдь есть семья!

АДВОКАТЪ.

Что-жъ! надо же вкушать намъ сладость бытія...

ПОЖИЛАЯ ДАМА.

Прекрасная мораль... она весьма удобна.

АДВОКАТЪ.

Моя мораль проста... по моему, жена,—
Ну это вродѣ какъ луна:
Въ ущербѣ-ль, въ полнолуніи-ль она,
Но съ нею вижусь каждый день я...
А это... вродѣ луннаго затменья...
[Поворачивается къ дѣвушкѣ и начинаетъ говорить съ нею вполголоса].

ПОЖИЛАЯ ДАМА.

Затменье-то у васъ, какъ видно, въ головѣ...
Одной жены вамъ мало—нужно двѣ.
Идете по прекрасной вы дорожкѣ...
Обманывали вы Софи свою всегда,

И въ васъ стыда
Ужъ не осталося ни крошки...
Скажите мнѣ,—на васъ хоть есть-ли крестъ?

[Адвокатъ продолжаетъ разговаривать съ дѣвушкой].

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

А Васька слушаетъ, да ѣстъ...

[Дама, махнувъ съ негодованіемъ рукой, уходитъ. Входитъ господинъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, которымъ онъ разсказываетъ жестикулируя].

ЖЕСТИКУЛИРУЮЩІЙ ГОСПОДИНЪ.

Ну-съ, вижу, безъ ружья-то дѣло скверно,
А волкъ все напираетъ той порой,
Да вѣдь какъ быкъ огромный, матерой!
Онъ здѣсь стоитъ, а я вотъ здѣсь примѣрно.
За шиворотъ его схватилъ я, наконецъ.
Ну, думаю, постой-же ты, шельмецъ,—
Да такъ и приволокъ домой безъ разговору...

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ,
Повѣришь ли,—ну, право, былъ онъ съ гору...

[Разговаривающіе проходятъ дальше. Входятъ фельдшеръ и старичокъ].

ФЕЛЬДШЕРЪ.

Ну, вотъ, что хочешь,—мрутъ, да мрутъ,—
И не могу понять причину.

СТАРИЧОКЪ.

Вѣдь также доктора насчетъ болѣзней врутъ...

ФЕЛЬДШЕРЪ.

Что докторъ! я имъ самъ даю ревень и хину,
И каломель, и мускусъ, и хлоралъ...

Недаромъ же достигъ я фельдшерскаго чину.
Вѣдь, чтобъ больной-то не хворалъ,
Не то чтобъ я жалѣлъ лекарство,
А сколько влѣзетъ, столько значитъ пей.
Не вѣрите? Ей-ей!
За что-жъ теперь такія мнѣ мытарства?
Ума не приложу, съ чего больные мрутъ.
Ну, доктора, положимъ, врутъ.
Такъ я-то вѣдь за то старался... [проходятъ дальше].

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

А ларчикъ просто открывался.

[Входятъ два дѣльца].

1-й ДѢЛЕЦЪ.

Нѣтъ, каково! Писать, что я расхитилъ банкъ!
Какая дерзость!

2-й ДѢЛЕЦЪ.

А обо мнѣ ни слова? Gott sei dank!

1-й ДѢЛЕЦЪ.

Нѣтъ, согласитесь,—это мерзость.
Тамъ въ банкѣ насъ своя семья—
Иванъ Иванычъ, вы, да я.
И вдругъ невѣдомый писака
Туда суетъ свой длинный носъ.
А чѣмъ другихъ мы хуже—вотъ вопросъ?
Возьмемъ хоть въ Энскомъ банкѣ: просто драка,
Кто болѣе другихъ урветъ.
Ихъ заправила тѣмъ и получилъ извѣстность,
Что позабылъ, что значитъ слово «честность»,
А по стопамъ его и каждый тамъ идетъ.

Ну, вотъ пусть ихъ и обличаютъ...
Механика у нихъ довольно нехитра... [Смѣшиваются съ толпой].

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра...
[Входятъ Критикъ и Поэтъ].

КРИТИКЪ.

Да, много есть такихъ, что прогремятъ на часикъ,
Чуть въ геніи не попадутъ,—
А въ сущности успѣхъ ихъ весь раздутъ.
Пусть скажутъ мнѣ,—что значитъ слово «классикъ?»
Что только въ «классахъ» онъ пригоденъ для ребятъ...
Ну, пусть ихъ тамъ и теребятъ.
Но можно-ль приходить отъ нихъ въ восторгъ телячій?
Что Гоголь? Пушкинъ что? Когда-бъ они
Писали въ наши дни,
Я разобралъ бы лепетъ ихъ ребячій,
И ихъ ничтожность всѣмъ вдругъ стала бы видна.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Ай Моська! знать она сильна!

ПОЭТЪ.

Отлично!
Я то же выразить въ стихахъ моихъ хочу,
Но, чтобы вышло политично,
Я, для приличія, кой-что смягчу... [громко].
Mesdames и господа,—прошу у васъ вниманья!
Вы собралися здѣсь въ воспоминанье
Заслугъ, которыми прославился Крыловъ.
О нихъ-то и хочу сказать я пару словъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ПУБЛИКИ.

Кто это? вѣрно изъ студентовъ.

ДАМА.

Ахъ, нѣтъ, навѣрное поэтъ...

ДРУГОЙ ИЗЪ ПУБЛИКИ.

Изъ школы декадентовъ...

ПОЭТЪ.

Увы! старѣетъ все,—не онъ одинъ...
И я вамъ докажу, какъ дважды два четыре,
Что мы теперь должны смотрѣть на вещи шире,
Чѣмъ онъ смотрѣлъ...

1-Й ИЗЪ ПУБЛИКИ.

Вотъ странный господинъ!

2-й.

Довольно!

3-й.

Что за вздоръ!

4-й.

Вздоръ, вздоръ—вы правы.

1-й.

Пусть лучше замолчитъ.

2-й.

Конечно.

3-й.

Ну, дѣла!

[Поэтъ, смущенный, старается незамѣтно скрыться].

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла...

1-Й ИЗЪ ПУБЛИКИ.

Но все же помянуть намъ дѣдушку бы нужно...
Ему въ привѣтъ,
Припомню я стихи—имъ много, много лѣтъ,
Какъ и ему, и всѣ ихъ дружно
Конечно повторятъ за мною вслѣдъ:

«Забавой онъ людей исправилъ,
«Сметая съ нихъ пороковъ пыль.
«Онъ баснями себя прославилъ,
«И слава эта наша быль.
«И не забудутъ этой были,
«Пока по-русски говорятъ.
«Ее давно мы затвердили,
«Ее и внуки затвердятъ».

Что къ этому еще прибавить?
Пусть говорятъ, онъ старъ,—для насъ онъ вѣчно новъ.
Давайте-жь дѣдушку мы славить...

2-Й ИЗЪ ПУБЛИКИ.

Что много говорить! И трехъ довольно словъ:
Спасибо, дѣдушка Крыловъ!
[Снимаетъ шляпу].

ВСѢ ПОВТОРЯЮТЪ.

Спасибо, дѣдушка Крыловъ!
[Мужчины снимаютъ шляпы, женщины машутъ платками].

Август 1940

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Н. ЮРЬИНЪ. Чужая жизнь. Разсказы. Цѣна 1 р.

» **Искатель новыхъ впечатлѣній.** Повѣсть. Цѣна 1 руб. 25 коп.

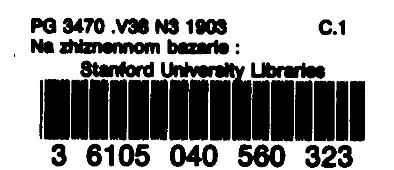
ДЛЯ ДѢТЕЙ:

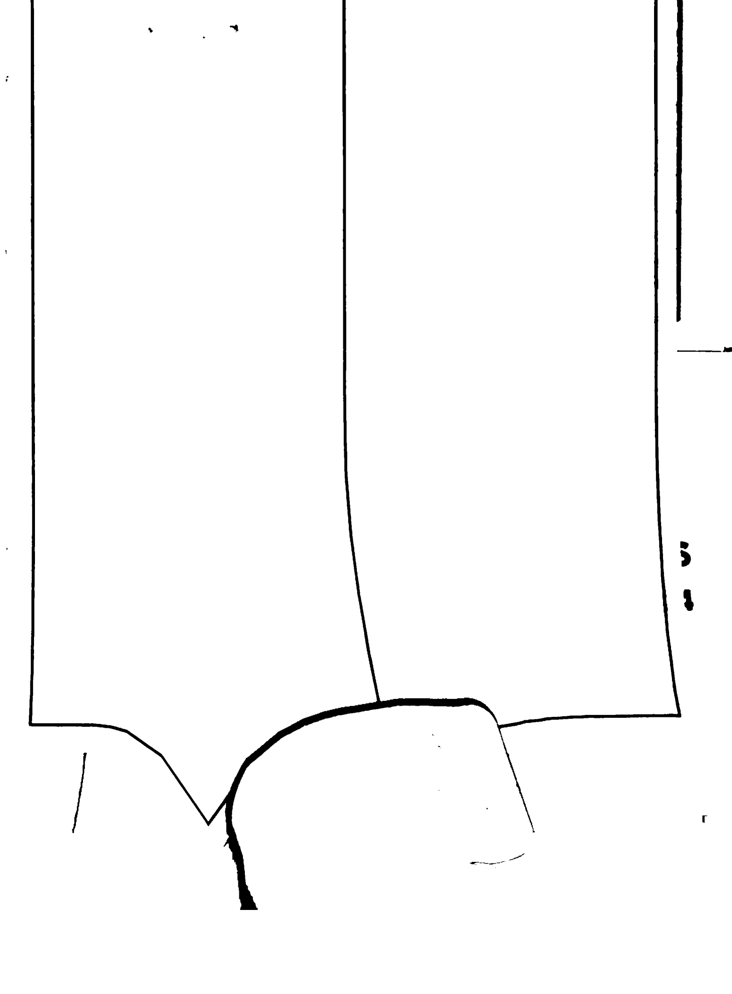
Н. ЮРЬИНЪ. Городокъ. Сказка въ стихахъ съ рисунками художника С. Малютина. Цѣна 75 коп.

Н. ЮРЬИНЪ. Въ сонномъ царствѣ. Сказка въ стихахъ съ рисунками С. Малютина. Изданіе А. Мамонтова. Цѣна 50 коп.

Цѣна 1 рубль.

PG 3470 .V38 N3 1903 C.1
Na zhiznennom bazarie :
Stanford University Libraries
3 6105 040 560 323

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE